

ОРУЖЕЙНИК

Дмитрий Казаков

КОМАНДИРОВКА В АД

Оружейник

Дмитрий Казаков
Командировка в ад

«Автор»

2022

Казаков Д. Л.

Командировка в ад / Д. Л. Казаков — «Автор»,
2022 — (Оружейник)

Обычные рабочие будни, рядовая командировка. Когда тебя пытаются убить все подряд – и враги, и соратники, и контрразведчики, и таинственные сектанты, которым надо вообще не пойми что. Когда твой личный враг отравляет тебе жизнь, а вокруг плетутся непонятные интриги, где ты не более чем пешка на игровой доске. Ну да, командировка... только в ад! Держись, Оружейник!

© Казаков Д. Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Казаков

Командировка в ад

Дмитрий Казаков

* * *

Глава 1

Те, против кого я сражался, те, с кем вместе я сражался – все против меня!

Меня жаждут прикончить брианские аборигены, меня хочет расстрелять Служба надзора. А еще за мной охотится мой личный смертельный враг, и враждебно настроены сектанты, украшенные татуировкой в виде когтистой лапы – что нужно последним, где я перешел им дорогу, вообще непонятно.

Я не хотел возвращаться в эту мясорубку, и если бы не болезнь дочери, сидел бы дома.

* * *

– Спать, папа, – устало сказала Сашка, и глаза ее закрылись.

Я поправил на дочери одеяло, поцеловал в лоб и на цыпочках вышел из комнаты. Примерно час назад мы привезли ее с очередного обследования, где нам сказали, что все снова плохо, смертельная болезнь вернулась – через семь месяцев после успешной операции, подарившей нам надежду!

Юля сидела на кухне, опустив голову, перед ней стояла нетронутая кружка с чаем.

Я сел рядом, обнял ее, она уронила голову мне на плечо, и некоторое время мы так молчали, слушая шорох дождя за окном, пощелкивание старых ходиков на стене и журчание холодильника.

– Что будем делать? – спросила она наконец.

– А есть варианты? – спросил я.

Последние дни я варился в кислотной смеси отчаяния, злости и разочарования – что за сука-судьба, мы вытащили дочь с того света, ради нее я рискнул жизнью, да так, что в страшном сне не приснится, и все оказалось зря. Но к сегодняшнему вечеру словно выгорел изнутри, остались лишь тоска и решимость вновь пойти на все, что в моих силах.

– Нет, ты не сделаешь это еще раз, – Юля отстранилась, мрачно посмотрела на меня. – Нельзя же так.

– Но других вариантов нет, поэтому сделаю.

Мягкое и пушистое коснулось моей ноги и, опустив голову, я обнаружил Котика. Шестиногий зверь, прибывший со мной из недр космоса, обжился у нас в квартире, и стал настолько своим, что я даже рискнул показать его маме – та ахала, охала, но потом сказала, что «мутант-то он мутант, но красивый и умный».

– Хр, – сказал Котик, и еще раз толкнул меня мордой в лодыжку.

– Вон и мохнатый зад со мной согласен, – добавил я.

Юля нахмурилась, а когда заговорила, то стало ясно – шутку она не оценила:

– Неужели тебе не хватило того, через что ты прошел в прошлый раз? Эх, ты...

Нет, всего я жене конечно не рассказал, остался при прежней версии – работал на частную военную компанию в далеких краях, где добывают радиоактивные материалы, и поэтому живность в лесах мутирует, откуда и Котик; да, рисковать пришлось, но ничего особенно страшного не было. Но она, такое ощущение, мне не поверила, хотя свое недоверие скрыла – Юля очень умна, и терпения ей не занимать, иначе бы она со мной не ужилась.

– Хватило, чтоб я сдох, – буркнул я. – Но ведь опять нужны проклятые деньги!

Сашке грозит новая операция, и опять срочно, и опять за десятки тысяч долларов, и если не перевести первую сумму через пару недель, то можно уже и не заморачиваться, а присматривать место на кладбище.

– Я могу отдать почку, – сказала Юля.

Я начал понемногу злиться – опять этот дурацкий разговор, попытка изуродовать себя, и слышать подобное от моей жены-красавицы просто невозможно, и как она может такое говорить, когда я жив, здоров, и даже знаю, где и как добыть нужное бабло, пусть с риском для собственной шкуры, но разве я не мужчина?

– Хватит этой ерунды! – буркнул я. – Обычная командировка! Да, долгая! Ну и что? Плевать!

Глаза моей жены сузились, впервые за пять лет совместной жизни я увидел на ее лице признаки гнева.

– Ерунду я слышу от тебя! – в мягком и звучном голосе Юли звенело раздражение. – Прекрати! Если ты снова отправишься туда, то... я ведь могу потерять и тебя, и Сашку. Нельзя же так! Те, кто использует тебя – даже не люди, и ты позволяешь им вертеть собой!

Я дернулся – что значит это «не люди»? Она знает, где я был и чем занимался?

Прошлую «командировку» в пять месяцев я провел черт знает в какой галактике. Сражался в качестве наемника на планете Бриа, где могучая звездная империя, называвшая себя Гегемонией, неведомо почему разбиралась с аборигенами, обитателями подземных селений в сырых джунглях.

Попробуй я открыть Юле правду – она решит, что у меня с головой неполадки.

Понятно, что и раньше по мелочи я привирал ей время от времени, когда дело касалось интрижек на стороне – люблю ее, а как другая баба рядом, удержаться все равно не могу – только вот тут впервые пришлось солгать всерьез. И это засело внутри как огромная заноза, я прямо чувствовал, как она торчит там, колет при любом неудачном движении.

– Нет, я тебя не пушу! – продолжала жена. – Я не позволю тебе туда отправиться!

Красновато-карие глаза ее сверкали, пышные светлые волосы разметались по плечам, на щеках пылал румянец – как же мне с ней повезло, и внешность, и характер, и чувство юмора, и все это рядом со мной, обычным парнем без особых талантов, если не считать умение чинить всякую всячину.

Да, на прежнюю работу я не вернулся – гори в аду, жадина Петрович – открыл свой маленький бизнес по ремонту всего, что только можно ремонтировать. Зарегистрировал ИП, потратился на рекламу, и закрутился, как белка в колесе, вот только денег особых это не принесло – не меньше, чем раньше, но и не сильно больше, разве что сам себе хозяин.

– Проклятый Иван! – продолжала тихо бушевать Юля: громко нельзя, Сашку разбудишь. – Выскочил как черт из табакерки, сманил тебя! Нет, не отпущу второй раз! Хватит!

Денежную работу в прошлый раз мне подкинул неизвестно откуда взявшийся «дядюшка». Раньше я об этом родственнике никогда не слышал, а потом он возник на дне рождения у двоюродного братца, и как раз в нужный момент, когда я был готов схватиться за любую соломинку.

Потом, когда я находился в Гегемонии, он звонил Юле, говорил странные вещи... и пропал. Вернувшись, я несколько раз пытался найти «дядюшку», но абонент всегда был вне зоны доступа или не брал трубку.

Я расспросил маму, но та про Ивана ничем толком сказать не смогла – вроде ее троюродный брат, они встречались лет сорок назад, а потом он сгинул, то ли уехал на север, то ли сел, как в воду канул. Потом дошли слухи, что он женился, завел детей, но опять где-то далеко, то ли в Мурманске, то ли в Хабаровске.

– И как ты это сделаешь? – спросил я, сжав кулаки. – Привяжешь меня к кровати?

– Если надо, то и привяжу! – выпалила Юля.

– Дачтозаботва! – рявкнул я, и тут же осекся, зажал себе рот – дочь будить нельзя, и так она спит плохо, то и дело просыпается, и тогда приходится сидеть с ней, гладить по голове, читать сказки. – Мы это уж прхдили... Труба, девться некуда, мне ндо ехать!

– На самом деле ты просто хочешь нас бросить, чтобы не видеть, как она мучается.

От такого заявления я просто онемел – ну что за бред, как Юля вообще могла подумать такое, как это пришло ей в голову! Если бы это помогло, я бы около Сашки сидел сутки напролет, и днем, и ночью, вот только это ничего не изменит!

– Ты... ты... это... – я сглотнул. – Как вообще, а? Ты правда так думаешь?

Жена всхлипнула и отвернулась.

– Ну... не знаю... нет, наверное...

Я обнял ее, притянул к себе, Юля всхлипнула еще раз и снова уронила голову мне на плечо. Сладкий запах ее волос пощекотал мне ноздри, я ощутил, как судорожно и нервно бьется ее сердце.

Люблю ее, не могу, не хочу уходить, и понимаю, что другого выхода нет.

Эх, если бы я мог разорваться пополам, одного себя отправить на заработки, а другого оставить здесь, в семье.

– Ты же все понимаешь, – мне хотелось орать, топтать ногами, и чтобы говорить спокойно, приходилось прилагать усилия, сдерживать себя, буквально тянуть за поводья. – Бабки нужны срочно, и много. Как в тот раз.

– Да... – выдохнула Юля. – Понимаю. Но я не могу тебя отпустить. Слишком опасно.

С этим я поспорить не мог – ехать придется туда, где идет настоящая, большая война, и отсидеться в тылу мне там скорее всего никто не даст, не ради этого меня нанимают и платят отличные деньги. Но пусть даже меня убьют почти сразу, мои девочки точно получают аванс, и его у них уже никто не отберет.

– И кому рисковать, блин? – спросил я. – В такой ситуации? Я мужчина или кто?

– Не могу отпустить, – повторила она, обхватила меня и вцепилась, точно младенец-коала в мамашу.

– А придется. Думай об этом как... о командировке. Завтра же пойду к ним.

Юля всхлипнула, мокрое и горячее пощекотало мне шею, и я понял, что она плачет. Стало так больно, что я едва не завопил, и чтобы сдержаться, пришлось буквально заскрежетать зубами.

Я обязан это сделать, обязан, иначе Сашка умрет.

И если кому-то из родителей приходится рисковать целостью шкуры и жизнью – а я не думаю, что извлечение почки так уж безопасно и безболезненно – то этим родителем по определению должен стать отец, иначе какой он нафиг отец?

* * *

Офис ООО «Гегемония» за то время, которое я тут не был, совсем не изменился: обшарпанная дверь с табличкой, небольшая комната с парой столов, один пустой, за другим – лысоватый прилизанный дядечка в костюме, искусственный до такой степени, точно его нарисовали для мультфильма.

– А, Егор Игоревич! – просиял он, вскакивая. – Рад вас видеть в нашем помещении! Занимайте стул!

Я пожал гладкую, словно пластиковую руку, аккуратно поставил на пол рюкзачок. Внутри спрятаны не только документы, набор инструментов, смена одежды и черно-белый плюшевый пингвин, которого дочь вручила мне снова, а еще и Котик, наглухо отказавшийся отпускать меня одного.

Как все понял – неясно, но вцепился всеми шестью лапами мне в ногу и принялся истошно орать. Замолк, только когда я торжественно пообещал взять его с собой и приглашающе открыл рюкзак.

– Извещал же я вас, что вы к нам еще заглянете, – продолжал болтать дядечка. – Готовы завербоваться повторно?

– Ага, – буркнул я.

Настроение после вчерашней ссоры с Юлей было паршивым, да еще и мама приболела, как по заказу.

– Так, сейчас, – дядечка наклонил голову так, что стала видна круглая блестящая лысинка в окружении маслянистых волос, и защелкал клавишами древнего ноутбука. – Просмотрим ваши достижения... Браслет, я вижу, вы не потеряли.

Браслет-классификатор я получил во время прошлого визита в Гегемонию, и так к нему привык, что не стал снимать, когда вернулся. Люди без таких же браслетов видеть его не могли, он ничего не весил, не мешал, активности не проявлял, и я в какой-то момент просто забыл об этой штуке.

Но сейчас классификатор вспыхнул, над ним появилась бордовая пятерка, знак того, что у меня сейчас пятый класс, ниже общее количество опыта, чуть больше десяти тысяч, и пять колонок, по которым видно, как этот опыт распределен по разным навыкам: сила, меткость, выносливость, скорость, знание оружия – все, что нужно солдату. К цифрам добавились мелкие значки – символы того, что я в запасе, к какой части принадлежал и прочая требуховина.

– У нас есть для вас хорошее, очень замечательное предположение, то есть предложение, – заявил дядечка. – Мы готовы взять, но с учетом опыта, на место десятника. Срок – пять месяцев земного времени, оплата – шестьдесят тысяч долларов.

По деньгам отлично, хватит не только на операцию, но и на то, чтобы мои девчонки жили безбедно.

– Нет, – сказал я.

Представитель ООО «Гегемония» улыбнулся как очень белозубая и невероятно удивленная акула.

– То есть как?

– А вот так, – отрезал я. – Десятником быть – дело дурное, гонять всяких идиотов. Нафиг надо.

Я слишком хорошо помнил, как мучился с нами Йухиро, сколько всего ему приходилось делать, что на линкоре, что после того, как мы высадились на Бриа и ввязались в войну, и совершенно не хотел заниматься тем же самым – нет, спасибо. Простым бойцом куда проще – отвечаешь только за себя, делаешь то, что говорят, ешь, спишь и стреляешь.

Дядечка улыбнулся еще раз.

– Очень сожалею, но других возможностей у нас нет. Зайдите через месяц-два. Возможно, тогда что-то будет нарисовываться.

Через месяц-два? Деньги нужны сейчас!

– Да не может быть, чтобы во всей вашей страной Гегемонии не нужен был обычный солдат? – выпалил я, борясь с желанием врезать этому офисному планктону промеж глаз. – Сколько у вас этих линкоров? Не хочу я никем командовать и не гожусь для этого! Не умею!

И то правда, мне под начало никого давать нельзя – мигом теряюсь.

Дядечка развел руками, и на мгновение замер, точно вовсе перестал дышать, мне даже показалось, что по нему пробежала волна помехи, как по телевизионному изображению. Когда он снова заговорил, то голос его изменился, стал ниже, в нем появились вкрадчивые нотки:

– Егор Игоревич, вы же не знаете, что это такое – быть десятником? Новые навыки. Память, хитрость, ориентация, лидерство и знание стратегии.

Я хмыкнул – обычной пятерки мне вполне хватало.

– И опыт, опыт теперь можно обретать за счет тех, кто у вас есть в подчинении, – улыбался он точно коммивояжер, впаривающий олуху самый лучший во вселенной перочинный нож. – Не только своими деяниями, но и деяниями разумных под вашим командованием вы будете его накапливать. Новые уровни будете получать намного быстрее.

– И что?

– Это же хорошо! Новые уровни! Гражданство Гегемонии.

– В жопу гражданство, – отрезал я. – Я не собираюсь покидать родную планету. Солдаты вам нужны или нет?

– Только десятники. Или через месяц-два...

Вот твою же мать, и что делать? Неужели брать на себя командирскую обузу? Утирать сопли новобранцам, получать люлей за неисполнение приказов, озвученных вышестоящими идиотами или психами?

Не хочу я быть десятником, не хочу никем командовать! Но что делать? Придется!

– Ладно, – проворчал я. – Только не на «Гнев Гегемонии», а на другой линкор!

– Отчего же так? – дядечка выпучил глаза так, что они едва не вывалились на клавиатуру – два шарика для настольного тенниса, на которых нарисована радужка, значок. – Это есть один из наилучших кораблей Гегемонии, и там служат ваши товарищи, с кем вы уже воевали нога об ногу!

Товарищи служат, но помимо них там еще и всякой твари по паре, начиная с Равуды, отмороженного ублюдка, что ненавидит меня до глубины души – за то, что он некогда не смог спасти больную дочь, она умерла, а у меня дочь и шансы спасти ее остались. Еще там есть Лиргана, уже не центурион, а трибун, бывшая женщина с пониженной социальной ответственностью, люто ненавидящая мужиков, которые ей нравятся, ну а мне «повезло» угодить в эту категорию. Замыкает перечень «друзей» местный контрразведчик, Геррат – он уверен, что я предатель, чей-то засланец, непонятно на кого работающий, но опасный.

Настоящая банка с пауками, куда я не желаю попасть ни в коем случае.

– Такая ботва, что я не хочу туда, – отрезал я.

– Но Егор Игоревич, вы же информированы, что между линкорами есть злое соперничество? Вы попадете на другой корабль, и там вас будут презирать, третировать. Относиться как к существу второго сорта. Поставлять препятствия и формировать трудности.

– Плевать. Куда угодно, только не на «Гнев Гегемонии».

С презрением я как-нибудь управлюсь, главное, чтобы мне не стреляли в спину и не таскали на допросы.

– Кроме того, вы были на одном из лучших линкоров Гегемонии, а можете попасть на тот, что в плохом техническом и социальном состоянии, с неустойчивыми линиями поставок. Плохая еда, некомфортная температура, а? Некомпетентные командиры и все такое.

Я посмотрел на собеседника с подозрением – чего он так обо мне заботится? Интересно, может его кто-то попросил загнать меня на «Гнев Гегемонии», то же «дядюшка Иван», например?

Эх, доберусь я еще до его жилистой шеи!

– Плевать, – повторил я. – Чтоб я сдох, но не хочу оказаться там!

Дядечка вздохнул и развел руками:

– Ну если таково ваше хотение, то не могу препятствовать. Смотрите договор.

Загудел принтер, с шуршанием поползли из него листы бумаги, и в ответ на эти звуки тихо хрюкнул Котик в рюкзаке. Я с опаской покосился на него – не хватало еще, чтобы зверь выдал себя, живая контрабанда между мирами наверняка запрещена, в эту-то сторону я провез мохнатого гада только потому, что он тайком забрался ко мне в багаж.

Но лысоватый дядечка ничего не заметил.

– Все устраивает? – спросил он, когда я просмотрел договор.

Я пожал плечами – условия по выплатам и срокам такие же, а остальное неважно.

– Тогда фиксируйте вашу подпись. Сейчас проверим ваш переводчик...

Речь зашла о вживленном в голову приборе, благодаря которому я могу общаться с разумными всех рас, населяющих Гегемонию – понимать, что они говорят. Я отрубил его, вернув-

шись домой, очень надеялся тогда, что никогда больше не включу эту штуку, и почти забыл про нее.

И вот придется вспомнить... а ведь этот переводчик едва не свел меня с ума.

Сунув указательный палец за ухо, я нащупал под кожей крохотное утолщение и сдвинул вперед.

– Понимаете меня? – спросил дядечка, и я понял его, хотя услышал вовсе не русские слова, а нечто скрежещуще-свистящее: непонятно, как такие звуки может породить человек. – Кивните... Отлично... Теперь проследуем к portalу.

В этот момент меня накрыло будоражащее волнение, почти детское ожидание чуда. Интересно, куда я на этот раз попаду, может быть мне повезет, и я окажусь на линкоре, где все спокойно, где за пять месяцев никто не обратит на меня внимания, и мы проведем это время где-нибудь в тылу, в резерве.

– Поехали, – прошептал я Котику, подхватив рюкзак с пола.

Глава 2

Переход через портал на этот раз я перенес куда легче, чем в первый раз, когда мне только поставили переводчик. Когда шагнул в голубое пламя, заполнявшее металлическую дугу, закружилась голова, накатила тошнота, но через мгновение все пришло в норму, а я обнаружил себя в камере переноса: большой зал, окон и украшений нет, стены, пол и потолок из серого металла.

– Добро пожаловать в пределы Гегемонии! – низким голосом произнес коротышка с зелеными, как трава, волосами, и глазами как у филина. – Добро пожаловать на службу! Центурион Гага!

Это что, мой новый командир?

Но я мигом забыл о центурионе, поскольку обнаружил на стене над дверью герб – черный кулак в окружении золотых языков пламени! Слишком хорошо знакомый мне герб! Символ «Гнева Гегемонии»!

Офисный дядька то ли ошибся с настройками, то ли обманул.

– Твою мать, вот сволочь... – простонал я, после чего обернулся, но металлическая дуга за моей спиной уже была мертвой, по ней бегали искры, но сам портал закрылся. – Разорваться тебе на куски!

– Что... происходит? Что... такое? – спросил Гага, принадлежавший, судя по внешности, к народу веша: я их видел, но не общался, у нас в центурии не было ни одного. – Боец! Смирно!

Мне очень хотелось послать его в задницу, пороспую тем же зеленым волосом. Злости во мне хватило бы на то, чтобы поджечь небольших размеров город, но я не мог даже облегчить душу как следует – проклятая армейская дисциплина, на которую я снова подписался сам, по своей воле!

Поэтому я просто вытянулся и сделал лицо попроще.

– Имя, боец, а ну-ка! – потребовал центурион – наверняка для того, чтобы показать власть, он точно знал, кого именно встречает, а если не знал, то одного взгляда на классификатор достаточно.

Это не Лиргана, конечно, и вряд ли он будет хватать меня за яйца, но...

– Егор Андреев! – отрапортовал я. – Прибыл для несения службы!

Ну и сука тот офисный засранец, обманул меня, засунул снова на «Гнев Гегемонии».

– По... какой... причине... завербовался... на новый... срок? – говорил этот «леди Гага» медленно, не делал паузы, а просто неспешно произносил слова, а между ними еще и ждал чего-то, и это раздражало.

– Из-за потребности в деньгах! – рявкнул я.

– А деньги... для... чего?

– Для личных нужд!

Ничто так не злит, как буквальные и бесполезные ответы.

Центурион засопел, желтые глаза его потемнели, а брови, похожие на две полоски зеленого мха, сошлись к переносице.

– Поговори у меня, – пробормотал он. – Ты что, не понимаешь, о чем я спрашиваю? Мне нужно знать, для чего ты здесь. Нам вместе служить, и я должен понимать тебя, человек. Ясно?

– Так точно!

– Тогда скажи, для чего тебе деньги. А ну-ка.

Я вздохнул – в прошлый раз я сходу признался, для чего влез в это безобразия, и в результате огреб кучу проблем, обзавелся прекрасной коллекцией смертельных врагов. Соврать? Нет, противно... куда проще смолчать, ведь на самом деле я не обязан отвечать на этот вопрос.

– Для семьи, – сказал я.

Глаза Гаги вовсе потемнели, судя по всему, он был в ярости.

– Не хочешь? Но смотри, каждый в моей центурии должен мне подчиняться! – вскинув кулачок, он сердито потряс им – в другой ситуации это могло выглядеть смешно, но сейчас я был зол как тысяча чертей, и чувство юмора пряталось где-то в недрах подсознания. – Иначе... иначе тебе будет неудобно! Плохо! Я – командир! Ты – подчиненный!

Подобных типов я встречал в армии родной страны, но наверняка они есть везде: самовлюбленные мелкие тиранчики, опьяненные той мелкой властью, что им досталась, тупые и болтливые.

Не бешеная сука Лиргана, конечно, но тоже не подарок.

– Так точно! Я понимаю! – я вытаращил глаза, надеясь, что сойду за простого идиота.

Гага некоторое время созерцал меня, гневно моргая и сопя, точно целая стая собак-боксеров, а потом сказал:

– Ладно. Следуй за мной. Об этом потом поговорим, сейчас время приема пищи...

При слове «пища» у меня в животе заурчало – позавтракал наспех, на обед времени не было, я носился по городу, доделывая дела, закрывая хвосты, обеспечивая себе возможность исчезнуть на пять месяцев.

Мы прошли через дверь под гербом линкора, тут я снова вздрогнул от злости. Потянулись коридоры «Гнева Гегемонии», такие знакомые, привычные, я отдал честь офицеру, потом навстречу попался Шадир, командир нашего манипула, и этот мое приветствие заметил.

– А, ты снова с нами? – сказал он. – Теперь десятник? Это хорошо.

И похлопав меня по плечу, зашагал дальше.

На очередном повороте я ухитрился спустить рюкзак с плеча и выпустить Котика. Махнув хвостом, тот стремительно рванул прочь, взбежал по стене и нырнул в вентиляционное отверстие.

Ну вот, он дома, там, где родился.

А когда мы вошли в столовую, на меня нахлынуло чувство, что я вернулся домой. Пощекотали нос запахи жареного мяса, фруктов, на уши обрушился многоголосый гомон, и я понял, что скучал по всему этому.

Боевое братство, и все такое... не зря Цой пел – «война – дело молодых, лекарство против морщин».

– Егор! – ко мне неся Макс: блеклые глаза выпучены, темная прядь прилипла ко лбу. – Вапще! Теперь мы им покажем!

Он хлопнул меня по плечу, но тут же его оттеснила радостно хихикавшая Пира. Обняла меня, перья на ее голове пощекотали мне подбородок, я обнял ее в ответ, ощутил под ладонями хрупкие косточки.

– Ой, как прекрасненько! Прекрасненько! – восклицала она, подпрыгивая на месте. – Пойдем! Пойдем к нам!

От дальнего стола мне махнул Дю-Жхе, и у меня слезы навернулись на глаза – рядом с этими людьми, да, людьми, я сражался, ел и спал пять месяцев, прикрывал их, они прикрывали меня, и вот я к ним вернулся.

– Живешь ты теперь в казарме для десятников, – напомнил о себе центурион. – Поговорим позже.

Я набрал целый поднос – жаркое, кусочки соленой рыбы в сладком маринаде, салат из фруктов вроде апельсинов, но более нежных, политых прозрачным медом, что-то вроде картофельной запеканки со специями, пять слоев, и каждый со своим вкусом, цветом и запахом. Едва дотащил все это богатство до нужного стола, и тут на меня обрушилась новая волна приветствий.

Мы обнялись с Юнессой, очень целомудренно, как брат с сестрой, пожали руки с Дю-Жхе. Но увидел и новые лица – совсем молодой жевельде, сородич Пире, изящный красавец с

черно-золотыми перьями на голове, вилидаро того же возраста, испуганно моргавший карими глазами... и человек.

Да, теперь в нашей центурии не только мы с Максом представляем Землю.

Высокий, голубоглазый, наглая улыбка на правильном загорелом лице – парняга того типа, которые нравятся девчонкам, а поскольку у меня внешность самая обычная, то у меня при виде подобного обычно начинают чесаться кулаки, зачесались они и сейчас.

– Это Билл, – сообщил Макс мне на ухо. – Он американец.

Ну вот ничего себе подарочек... Юнайтед Стейтс оф Америка... Что он тут забыл?

Я кивнул и занялся едой – с теми, кто попадет мне в подчинение, я разберусь позже, а о тех, кто не попадет, забуду.

За то время, что я отсутствовал на «Гневе Гегемонии», местные повара готовить не разучились: пряная рыба дразнила сосочки на языке, жаркое истекало соком, и было таким вкусным, что его не хотелось глотать, жевал бы да жевал; запеканку я просто смаковал, снимая один слой за другим – сливочная мягкость, потом огненный перец, затем мягкий привкус корицы и кардамона, и снова острота, но уже другая, с лимонным оттенком; фрукты в салате были умеренно-сладкими и просто таяли во рту, оставляя густой аромат меда.

Нет, Юлия готовит хорошо, но тут как в ресторане для богатых гурманов.

Из-за стола я поднялся с трудом, сдерживая икоту, брюхо колыхнулось, точно дирижабль, наполненный вовсе не гелием.

– Я рад, что ты вернулся, клево, – сказал Макс.

Я немного подумал – мысли шевелились вяло, с трудом, тянуло подремать – и ответил:

– И я рад.

* * *

На Диррга я налетел, едва выйдя из столовой.

– Ха, привет, – пробасил он, и тяжелая ладонь опустилась мне на плечо. – Неожиданно.

– Привет-привет, – отозвался я. – Ты как?

Сержант-техник был точно таким же, как раньше – с выпирающим пузом, довольным лицом, мощным голосом и уверенными движениями. Неизлечимая болезнь, от которой он мучился, и порой сильно, в данный момент его не терзала, и это меня радовало.

Улыбнулся я поэтому широко, но внутри слегка напрягся – когда-то я пообещал Дирргу помощь в поисках, хотя участвовать в них не хотел, и если он сейчас вспомнит об этом...

– Неплохо, клянусь задницей Гегемона, – сержант-техник подмигнул мне. – Заглядывай в гости. Мне тут посылку из дома передали, там самогон, который дедушка жены делает – по большим праздникам.

– Зайду, – пообещал я.

В комнатухе в недрах линкора, где находилось логово Диррга, я раньше не был, хотя знал примерно, где она находится.

– Тогда увидимся, бывай, – он хлопнул меня по плечу еще раз и затопал прочь.

А от сердца у меня отлегло – не вспомнил, и слава богу, а может вообще вылечился, и тогда совсем хорошо, не придется лазить по грязным и опасным закоулкам «Гнева Гегемонии», разыскивая не пойми что.

С друзьями я расстался у входа в казарму нашей, шестой центурии, и зашагал дальше. Остановился у двери, ведущей в помещения для офицеров манипула, и поднял руку с классификатором.

Дверь бесшумно отъехала в сторону.

Тут мне бывать не приходилось, и я знал только, что у десятников своя казарма, а вот центурионам и всем, кто рангом выше, положены отдельные комнаты: шесть командиров цен-

турий, начальник штаба с заместителем, командир службы обеспечения, ну и сам трибун, всего девять офицерских кают. Однако вел туда точно такой же коридор, как и остальные – серый голый металл, простые двери.

А вот эта моя.

Я осторожно толкнул ее, и обнаружил себя в такой же казарме, как солдатская, разве что раза в три меньше: два ряда коек, тумбочки и двери шкафов в стенах, неистребимый запах пота и грязной одежды. На меня обратилось несколько взглядов – мужчины и женщины лежали, стояли, ходили туда-сюда.

– Доброго дня все... – я осекся на полуслове.

С одной из коек мягким, кошачьим движением поднялся высокий кайтерит, мускулистый как античный бог: безволосая голова, красноватая кожа, и багровые, как у альбиноса глаза, один в два раза больше другого.

Равуда! Вот и он.

– Какая приятная встреча... – протянул он. – О да, да...

У меня был шанс убить этого гаденьша, но я его упустил! И вот!

Он рванул ко мне по проходу, оттолкнул кого-то, раздался сердитый вскрик. Отбросив рюкзак, я вскинул руки, и тут же жесткий удар пришелся мне в локоть, тот мгновенно онемел.

– Сука... – выдавил я, и ударил в ответ.

Равуда уклонился с издевательской легкостью, и пнул меня в плотно набитый живот. Тяжелый ботинок пришелся вскользь, но я онемел от боли в печени, дернулся назад, разрывая дистанцию.

Мой смертельный враг был профессиональным бойцом, много лет сражался на Арене Жертвенных – гегемонском аналоге ММА. Я дрался немало, и в школе, и потом, и знал, как за себя постоять, и боли не боялся, но ни боксом, ни самбо не занимался, и равняться с ним не мог. Приходилось уповать на удачу и на боевой дух.

Равуда ударил снова, я отбил, но мне прилетело снова, в висок, и голова загудела, точно колокол. Но на этот раз я не стал отступать, а прыгнул вперед, целясь ему коленом в пах, и даже попал.

Кайтерит хрюкнул, глаза его выпучились.

– Эй! Вы что! Остановитесь! – прорвался через рев крови в ушах чей-то крик.

Мой кулак погрузился в бок Равуды, я замахнулся снова, но он перехватил мою руку. Боднул меня, надеясь сломать нос, я просек его атаку и увернулся, но равновесие потерял и шлепнулся назад, на спину.

Удар в бедро оказался такой силы, что я подумал – все, перелом.

– Хррр... – выдавил я, перед глазами потемнело.

Я вскинул руки, прикрывая лицо, повернулся на бок, чтобы свернуться в клубок, защитить уязвимые места. На несколько мгновений отключился, а когда сознание вернулось, то обнаружил, что все так же лежу на спине, раскинув конечности – последние движения я только представил, сил на них не хватило.

Вокруг меня топталось множество ног, сверху доносился злобный голос Равуды:

– Пустите меня! Я его задушу! Он должен сдохнуть! Сдохнуть!

Голова все еще гудела, но я ухитрился ее поднять: кайтерита держали то ли четверо, то ли трое, и высокая девка из народа юри-юри что-то горячо ему втолковывала, размахивая руками с дополнительным локтем и поводя мохнатыми ушами как у мастера Йоды, только серыми.

– Ты как? – спросили меня сзади.

– Да ничего... дело такое... – пробормотал я, делая попытку сесть.

И у меня даже получилось.

– Смирно! – гаркнули от двери. – Что за ерунда тут происходит?

Суматоха мигом закончилась, Равуду отпустили, и он вместе с остальными выполнил команду. Я вскочил, покачнулся, но ухитрился не упасть, и развернулся ко входу в казарму, где стоял трибун ШаDIR, принадлежавший к тому же народу, что и мой смертельный враг, такой же краснокожий, безволосый и красноглазый.

– Ты – отвечай! – он ткнул в меня пальцем.

– Упал и ударился! – отчеканил я.

Зверски болел живот, ныл висок, в голове продолжали звонить колокола, но все это не касалось офицеров – пока разборки между мной и Равудой, я ни слова о них не скажу. Западло стучать.

– Восемь раз подряд? – уточнил ШаDIR, поглаживая лысину. – Вот это номер. И ты?

Трибун перевел взгляд на Равуду.

– То же самое. Очень пол неровный. Мне ли не знать... – пробормотал тот.

В дверь протиснулся и встал рядом с командиром манипула центурион Гага – темные глаза, морда злая, как у покусанного пчелами медведя.

– Твои красавцы? – спросил ШаDIR. – Вот и разбирайся с этим цирком. Клоуны. Чтобы тишина и покой, и никаких проблем.

И он вышел из казармы.

– Разрешите обратиться? – начал я до того, как центурион успел рот открыть. – Разрешите мне поселиться в казарме с рядовыми бойцами. Наверняка есть свободные койки. Это позволит мне больше не падать таким образом.

Очень хотелось посмотреть на Равуду, но я сдерживался, преданно ел взглядом начальство.

– Ну... хм... – центурион засопел. – Поговори у меня... Ладно, мигом кыш отсюда.

И я не заставил себя упрашивать.

* * *

Выдававший мне снаряжение сержант-хозяйственник глядел на меня как истинный сталинист на врага народа.

– Все, все, давай забирай, – ворчал он. – Чего рассматриваешь? Не подарок девке.

А я придирчиво изучал каждую вещь, поскольку знал, что от нее будет зависеть моя жизнь – понятно, что инструменты и опыт при мне, кое-что я смогу починить, но не все в моих силах, да и возиться желания нет.

Шлем мне достался обычный, то есть с разболтанным забралом и готовым отвалиться ремешком: ничего, это я исправлю за пять минут. Бронезащиту подогнать – тоже дело нехитрое, главное, чтобы все пластины были на месте; крепление ножа сам усилию. Автомат я выбрал сам, убедился, что все работает, все на месте, а то запросто подсунут сломанный и скажут, что сам испортил.

Маскировочную сеть все равно чинить, так что можно любую, как и ботинки, рюкзак и подсумки.

– Ну что, все уже? – буркнул сержант.

– Нет. Еще ремнабор продвинутого уровня, накладки и фильтр ночного видения. Последний опыт на него потратил.

Мне достался еще один сердитый взгляд, но фильтр в виде насадки на забрало я получил. Потом хозяйственник вспомнил, что я десятник, и что мне положен шлем с встроенной системой связи.

Только что выданный он забрал, исчез в недрах склада и принес другой, с утолщением на затылке. Этот оказался немного тяжелее, но нацепив его, я обнаружил внутри мягкую удобную подкладку.

– Теперь все, – сказал я, и потащил барахло прочь, провожаемый ворчанием сержанта-хозяйственника.

В казарме меня встретили удивленные взгляды и радостные возгласы.

– Ты что, с нами? – спросил подскочивший Макс. – Это же клево, вапще!

Но тут он заметил свежий фингал на моей физиономии о осекся, глаза его вытаращились.

– С вами, чтоб я сдох, – сказал я. – Так, вот эта койка с краю свободна? Тут и осяду.

Пока раскладывал вещи, подошел Янелъм, юри-юри, некогда сдавший меня Равуде, но потом во всем признавшийся. Я кивнул в ответ на приветствие, но в разговор вступать не стал, и помявшись, он вернулся на место.

Все они мне теперь подчиняются, я могу отдавать им приказы, и они обязаны их выполнять: Макс, Дю-Жхе, Юнесса, тот же Янелъм, Пира и ее сородич с черно-золотыми волосами, откликавшийся на имя Гильтиорани, тот пугливый вилидаро, которого я видел в столовой. Другие, пока еще незнакомые, всего двадцать разумных, двое людей, остальные с разных планет, из не похожих друг на друга народов.

Как с ними со всеми управиться? Вообще непонятно... дело швах.

– Макс, – позвал я, запихав снаряжение в шкаф, а личные вещи – в тумбочку. – Расскажи мне, кто есть кто.

Друг мой – болтун, каких поискать, и если он чего-то не знает, то никто не знает.

– Легко! – обрадовался он. – Вон там – Етайхо...

Глянув туда, куда он указывал, я обнаружил крепкую девушку из народа гирван – медные волосы, зеленоватая кожа, черные глаза – и сердце мое тревожно кольнуло. Вспомнился прежний десятник, Йухиро, погибший на Бриа, и говоривший обо мне странные вещи – типа я должен спасти мир, и что это как-то связано с их древней, кровавой религией.

Надо будет ее расспросить подробнее.

– Это вот – Нара, Зара и Кара. Где какая – не спрашивай, – тут физиономия Макса стала до неприличия сладострастной, разве что слюна не потекла.

Трое девчонок-веша походили друг на друга будто сестры, изящные, невысокие, с густыми волосами цвета водорослей. Они сидели на одной койке, прижавшись друг к другу, и шептались, ехидно поглядывая по сторонам – явно перемывали кости всем подряд, начиная с меня.

И на мужской взгляд зрелище было что надо.

– А это...

Следующего новичка Макс представить не успел, тот сам подошел ко мне.

– Разрешите обратиться? – нагло поинтересовался тот самый красавчик-Билл, которого я видел в столовой.

– Разрешаю, – я встал, с неудовольствием подумал, что ниже его. – Представься, боец.

– Уильям Мак-Грегор, город Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки, – произнес он, и я подумал, что переводчик в моей голове справляется с английским так же легко, как с инопланетными языками.

– Слушаю.

– Да, вы десятник и все такое, – Билл выпячивал челюсть и злобно щурил глаза. – Только ненавижу я вашего Путина и вашу сраную Россию, которая лезет в наши выборы...

Боже, идиотов и у нас в стране хватает, и вот «повезло» мне впервые в жизни познакомиться с настоящим иностранцем, чтобы убедиться, что и за бугром их не сеют, а они сами растут!

– И что? – холодно спросил я.

– А то... – он смешался, явно планировал, что я немедленно испугаюсь и со слезами покаюсь за преступления русских хакеров и Петрова с Бошировым. – Вы же... и все такое...

– Эта ботва осталась на Земле, – сказал я. – Здесь мы все служим Гегемонии. Ясно? Вольно! Свободен!

Он угрюмо кивнул и зашагал восвояси, а я вытер со лба самый настоящий пот. Покомандовал каких-то пять минут, а устал так, словно вскопал пару гектар земли под картошку.

– Ладно, потом расскажешь, – бросил я Макс. – Сейчас вымыться.

Едва я успел войти в душ, как дверь за моей спиной снова открылась, и внутрь проскользнула Юнесса. Нежные руки обвили меня, полная грудь прижалась ко мне, и сладко пахнущие губы коснулись моих.

И тело мое ответило... о нет, я все так же хотел ее, как и раньше!

Неистово, яростно, по-звериному!

Стащить с нее эту тонкую маечку, облизать крупные соски, провести ладонью по ее мягкому животу, чтобы она хрипло застонала – и никто теперь мне не помешает, никакой Равуда, никто слова не скажет, ведь я десятник! Взять Юнессу прямо здесь, натешить похоть, изменить жене в какой уже раз, вновь скатиться на уровень животного и ощутить себя подлецом!

– Сделай это, о сделай... – прошептала она, целуя мои губы и щеки.

– Нет... – выдавил я, пытаюсь оттолкнуть ее, и понимая, что ладонь, которой я касаюсь девушки, просто горит, как в огне.

– Почему? – Юнесса отпрянула.

– С кем ты собираешься сравить меня теперь? – спросил я. – Снова то же самое?

Она посмотрела на меня так, что я решил – ударит, и приготовился к пощечине. Однако девушка-занга развернулась и, тряхнув курчавыми волосами, в которых прятались рожки, выскочила из душа.

А я облегченно вздохнул.

Вот именно поэтому я и не хотел возвращаться на «Гнев Гегемонии» – тут и Равуда, который хочет убить меня, и Юнесса, которая просто хочет меня, и я ее хочу, чего себя обманывать? Сплошные проблемы, с которыми непонятно как справляться, непонятно как просто существовать с ними!

Короче говоря – вот удружил, офисная морда.

Глава 3

Крепление забрала со щелчком встало на место, и я подергал, чтобы убедиться – сидит как надо. Потом нацепил шлем на голову, и активировал фильтр ночного зрения – проверить, как работает. Казарма превратилась в картину, написанную всего двумя красками разных оттенков – тела разумных горели изумрудным огнем, все холодное было черным.

Можно увидеть, у кого температура повыше, у кого пониже, а кто вовсе ледышка по сравнению с остальными.

– А мой автомат не посмотришь, ха-ха? – зеленый силуэт совсем рядом оказался Максом. – Как сказал Леонардо да Винчи – крути винты, крути шурупы, тогда ты будешь не зал... ну в общем, будешь хорошим человеком.

– Давай, – я снял шлем. – Как вы тут обходились без меня все эти месяцы?

– Месяцы? – Макс вытаращил глаза. – Три недели, как мы расстались! Вапще!

Моя челюсть неприлично отвисла, так что пришлось ее подбирать едва не руками. Действительно, с чего я взял, что на «Гневе Гегемонии» прошло столько же времени, сколько и на Земле?

Про относительность, изобретенную Эйнштейном, я что-то слышал, разве что никогда не думал, что смогу приложить ее к себе.

Я возился с автоматом Макса, изучал механизм подачи пуль на «рельсу», проверял контакты для аккумулятора, «прозванивал» все слабые места. А он болтал, рассказывая о том, что произошло за период моего отсутствия – ничего особого на самом деле, линкор поставили на орбиту какой-то планеты для ремонта, а бойцам дали отдохнуть после неудачной и кровавой компании на Бриа, закончилась которая позорным отступлением, и даже один раз отпустили на поверхность.

Ну а там – пьянка, разврат, азартные игры, обычные солдатские развлечения, из всей экзотики только то, что в небе пять разноцветных лун пляшут изысканный танец, и вместо комаров летающие многоножки.

– ...и бухло у них это, черное, как нефть, и на вкус такое же, ха-ха, вапще! – размахивал руками Макс, живописуя увольнительную. – После первой голова у меня расширилась, а после второй сузилась, после третьей расширилась, а потом опять сузилась... тогда и побежал я в сортир, блевать.

И в этот кульминационный момент мой шлем издал тонкую трель, а классификатор завибрировал. Проклятье, срочный вызов от начальства – теперь я десятник, меня могут выдернуть и днем и ночью.

– На связи, – буркнул я, поднеся браслет ко рту: знал, что это не нужно, что это не телефон, но пока избавиться от этой привычки не мог.

– Тебя ждет трибун Геррат, немедленно, – проскрежетал из классификатора Гага: слова его услышал только адресат, то есть я, до Макса не долетело ни звука.

– Есть, – ответил я, и сердце мое упало.

Вспомнил обо мне, вспомнил местный контрразведчик, чтобы его черти взяли!

– Ты прямо в лицо изменился, ха-ха, словно умер у тебя кто, – Макс протянул ладонь с лежащей на ней большой лиловой таблеткой. – Прими быстренько, тут же лучше сделается.

Расслабон! Нет, никогда больше!

Этот местный аналог курева действовал сильнее обычных сигарет, успокаивал, снимал напряжение, убирал усталость. Но у меня он вызывал сильнейшее привыкание, настоящие ломки, как от тяжелых наркотиков, и мне большого труда стоило с него слезть.

– Нет, – я покачал головой, и вспомнил, что в прошлый раз принимал другие таблетки – круглые, желтые, как советские витаминки, без которых мой переводчик чудил так, что буквально сводил меня с ума.

– Слушай, а врач на месте? Тот, с татуировкой? – спросил я.

– Нет, перевели его недели две назад, ха-ха, – ответил Макс, и я ощутил, что меня словно ударили поддых: другой эскулап может и не войти в мое положение, а взять да списать меня на Землю, и что тогда, где брать деньги на операцию для Сашки?

– Черт, – я сунул автомат хозяину. – Дело такое, срочный вызов к начальству. Функционирует твой агрегат как новенький, только чистить не забывай, а то буду лупить на правах злого командира.

Макс недоверчиво заухмылялся.

А я покидал инструменты в тумбочку, где прятался черно-белый пингвинчик, подмигнул ему, и ринулся из казармы прочь – когда тебя зовут спецслужбы, лучше не тормозить. Трибун Геррат, маленький, непримечательный шавван с желтоватой кожей и усиками, встретил меня слащавой улыбкой.

– Садись, десятник, – пригласил он, не став слушать уставное «по вашему приказанию прибыл», и я шлепнулся на стул.

Кабинет контрразведчика не изменился, как и он сам – туша сейфа в углу, такого, что в него можно спрятать слона, портрет Гегемона на стене, и «окно», за которым на этот раз была уже не Столица, а морской пейзаж, белоснежные утесы, волны, летающие над ними то ли рыбы, то ли птицы, радуга вдалеке.

– Очень конкретно рад тебя видеть на своем корабле, – продолжил Геррат.

«Словно кот мыш» – подумал я.

– Поскольку твое появление означает, что твой хозяин продолжает свою игру, – говорил трибун негромко, поглаживал усики, поскольку наверняка понимал, что этот жест меня раздражает. – И это несмотря на то, что он знает, что я знаю о твоём статусе фигуры. Занятно, ведь так?

Для меня в этом всем ничего занятого не было.

Геррат неведь почему вбил себе в голову, что я шпион или вроде того, и я на практике знал, что оправдываться бесполезно, что любые мои слова будут восприняты как увертка, хитрый трюк. Согласиться с ним и пойти на сотрудничество я тоже не смог бы при всем желании, поскольку ни о каком «хозяине» не имел представления и смог бы выдать на допросе только собственные фантазии.

– Понимаю, что ты в данных обстоятельствах ни в чем не признаешься, конечно, – трибун вздохнул. – И ты можешь не знать, на кого работаешь, но я тебе расскажу... Перенесемся на двенадцать лет назад, когда Служба надзора совершила самый большой ляп в своей истории. Восстание в армии, да еще в Столице, стало для нас полной неожиданностью, мы не смогли его предотвратить, увы.

Печаль Геррата выглядела искренней, но я ему не верил – если надо, он изобразит что угодно.

– Один из линкоров первой пятерки перешел на сторону восставших, и с тех пор само имя его под запретом. Поднялось несколько легионов планетарных сил, ударные части. Они атаковали Дворец Семидесяти Фонтанов, это основная резиденция Гегемона и его семьи, если ты не знаешь. Часть его разрушили, прорвались во внутренние покои, захватили немало тронных сокровищ, и если бы не верные Гегемону офицеры...

Обычный для земной истории сценарий.

– Мятеж оказался разгромлен, тысячи негодяев попали нам в руки, – продолжал разливать соловьем контрразведчик. – Только вот главари ухитрились скрыться, мы до сих пор не всех поймали, несмотря на сотни свидетелей, допрашивали которых профессионалы.

Я поежился – знаем мы этих профи пыточного дела с кнутом и дыбой под мышкой.

– Рядовые ничего не знали, а попавшие к нам офицеры... Многие быстро и капитально сошли с ума, другие, вроде бы в себе, рассказывали нечто странное, каждый свое. Неясно, кто ими руководил! Они словно забыли, кто отдавал приказы, или поверили, что действовали конкретно сами, по собственной воле!

А вот это выглядело странно, и случись такое на родной планете, я бы никогда не поверил. Но что нереально у нас, вполне могло быть нормой в Гегемонии, раскинувшейся на сотни звездных систем.

– Есть древние, вроде бы забытые техники контроля сознания, которые позволяют добиться подобного... И ясно, что есть некто, этими самыми техниками владеющий, пытающийся захватить власть! Готовый расшатать сами основы нашей цивилизации! Уничтожить все, лишь бы захватить трон!

Трибун замолчал, буравя меня суровым взглядом, и я невольно поежился.

– И вот ты, судя по всему, работаешь на этого персонажа, – добавил он небрежно. – Наверняка ведь думаешь, что сражаешься на стороне добра? Ведь так?

Я пожал плечами – вопрос типа «а ты перестал пить коньяк по утрам?».

– Да ни на кого я не работаю, – буркнул я, хотя знал, что бесполезно, не поверит.

И точно, Геррат сокрушенно вздохнул и посмотрел как отец на неразумное, но все же любимое чадо.

– Помни, что ты разменная пешка, и что только я могу вытащить тебя из игры. Хозяева же твои мигом пожертвуют тобой, как только им это станет выгодно, и вспомни – один раз они попытались это сделать, когда с тобой разговаривал принц Табгун, да сохранил его Святые Предки?

О да, это я никогда не забуду – общий смотр для всего линкора, и высокомерный, высококородный, высокозлобный кайтерит, по непонятной причине решивший поболтать с рядовым бойцом, то есть мной.

– И еще помни, что ты под присмотром, что я приглядываю за тобой днем и ночью, – и трибун игриво погрозил мне пальцем.

– Опять стучать заставите? – спросил я злобно.

В прошлый раз он буквально шантажировал меня, и несмотря на мое сопротивление, сунул мне передатчик, чтобы я докладывал, что творится в нашей центурии. И только то, что мы оказались в окружении, без связи со своими, в разгар кровавых боев, спасло меня от незавидной участи доносчика.

– Нет. Зачем, – новая улыбка, на этот раз небрежная. – У меня есть стукач среди твоих. Работает истово, и за страх, и за совесть, уговаривать и подстегивать не нужно. Так что... Кстати, центурион твой – полный идиот, он уже приходил ко мне, чтобы доложить о твоей неблагонадежности.

Ну да, командир – идиот, один из подчиненных – доносчик.

Прекрасная обстановка для легкой и веселой службы в армии великой Гегемонии, и это не учитывая, что сейчас война, и нас в любой момент могут кинуть в бой.

* * *

Взгляды бойцов, обращенные на меня, сияли вовсе не от любви и восхищения. Конечно, до отбоя меньше часа, время после ужина, сам Гегемон велел отдыхать, а этот идиот тащит на стрельбище!

Угрюмо смотрели даже ветераны, понимавшие, к чему все это, и чего говорить о салагах?

– Повторяю – если вы не освоите это сейчас, то придется осваивать на поле боя, – орал я сегодня столько, что сорвал голос, и поэтому хрипел простуженной вороной. – Расплачиваясь трупам и ранами, а не усталостью и потом!

Они тарасили глаза, они не понимали, зачем все это, ради чего – троица девчонок-веша, американский идиот Билл, пугливый вилидаро, сородич Пиры, при каждом удобном случае тарасившийся на нее с открытым ртом, удоронат по кличке Шнобель, носатый книгочей, шавван Прагат, рыхлый и неуклюжий на вид, но лучший стрелок среди новичков.

Я же слишком хорошо помнил нашу собственную подготовку: если попал из автомата в мишень, понял, где спусковой крючок, как вставлять магазин и менять аккумулятор, то все – годен. И помнил, чем все обернулось потом, когда мы оказались на Бриа, лицом к лицу с аборигенами, вооруженными чуть похуже, но тоже умеющими воевать.

Мы буквально залили эту планету кровью, и не чужой, из центурии выжило меньше половины, я сам уцелел чудом.

– Еще раз, – сказал я. – Условный противник, изображают которого Дю-Жхе и Юнесса, занял позиции за мишенями один и два, – для верности ткнул в ту сторону рукой. – Нужно атаковать их... Половина прикрывает, вторая перебегает, затем наоборот... Понятно?

Они должны освоить маневр так, чтобы выполнять все автоматически, и не тут, на стрельбище, где все видно, а в джунглях, где сплошь деревья и листья, а еще туман с дождем.

– Но почему... – начал Билл.

Я шагнул к нему и только занеся для удара руку, понял, что именно делаю.

К чести американца, он не испугался, в его голубых глазах были злость и ненависть, но не страх.

– Где «разрешите обратиться»? – прорычал я, насилуя больное горло.

За спиной хихикнула одна из девчонок-веша, и я развернулся к ней.

– Отставить хныканье! Упор лежа, все трое!

Я заставил их отжаться десятков раз, и за это время сам немного успокоился. Конечно, ударить любого из них я могу без проблем, но как после этого жить с ними вместе, сражаться рядом, прикрывать спину?

Я знал, что Равуда лупит подчиненных, но я не Равуда, и я таким не стану.

– Давай. Еще раз. На раз-два-три... Поехали!

Они побежали куда надо, медленно и нехотя, но побежали, залегли на позиции. Половина изобразила беглый огонь по мишеням, за которыми прятались Дю-Жхе и Юнесса, вторая – вялую перебежку на десять метров.

Понятно, что возможность стрелять я им отключил, а то поубивают друг друга...

– Давай! Отлично! – гаркнул я. – Не спать на правом фланге!

Я гонял их второй день, и к собственной радости видел результат – новички следили за опытными бойцами, подхватывались вместе, не вразнобой, понемногу нащупывали ритм. Никто не знал, когда нас снова швырнут в кровавое пекло, но я понимал, что прохладиться нам не дадут.

Гегемония ввязалась в войну с бриан не для того, чтобы та затянулась на годы.

Гага проводил занятия для всей центурии, конечно, но он особенно не утруждал себя. Мне же вовсе не хотелось, чтобы мы снова были как слепые кутята, не знающие и не понимающие, что делать и куда бежать.

– Последний рывок! – гаркнул я, и мое воинство дружно ринулось в атаку на «вражеские» позиции.

Дю-Жхе из-за своей мишени показал мне пятерню – по его подсчетам, они с Юнессой положили бы всех, кроме пятерых, дойди все до реальной схватки. Ничего, позавчера не осталось вообще никого, а вчера двое, так что я сорвал горло вовсе не впустую.

– Свободны, – велел я. – Макс, отведишь их до казармы.

– А ты? – спросил он, подняв забрало.

– Дело такое, мне надо кое-чего попробовать.

Мало нацепить на себя фильтр ночного зрения, надо еще пристреляться с этой штукой на морде и с трещащей прямо в ухо системой командирской связи – отвлекает, и сильно, хотя благодаря ей я в курсе, что творится во всей центурии, вижу не только свой кусочек боя, а всю картину.

Я дождался, пока бойцы уберутся прочь, перещелкнул канал на самый шумный, опустил забрало.

– Вот он, великий командир, гроза врага, – она подошла бесшумно, и шаги я уловил в последний момент.

Я вернул забрало на место и обернулся, чтобы напороться на холодный взгляд трех голубых глаз. Злобная, хоть и красивая сучка Лиргана, наш бывший центурион, ставшая трибуном и ушедшая на повышение в другой манипул... что принесло тебя на стрельбище в столь поздний час?

Рассматривала она меня с обычной смесью похоти и презрения.

Я приложил руку к шлему, отдавая честь.

– Не воняй, – процедила она. – Знаю, что ты всю эту военную требуху в гробу видал.

Лиргана выглядела на диво хорошо в гражданском – узкой юбке с вырезом на бедре, высоких сапогах, и полупрозрачной кофточке, под которой более чем очевидно угадывались крупные груди, числом три. И я был рад ее видеть, и не то что рад, а прямо-таки воодушевлен в некотором смысле, в том, что живет в мошонке.

Тело мое под бронезащитой начало разогреваться.

– Есть разговор, – Лиргана ухмыльнулась, и я понял – видит, все замечает, стерва. – Только сначала тебя надо успокоить, а то ты, я вижу, разволновался так, что дерьмо внутри вот-вот закипит.

Я хотел ответить гордо, послать ее подальше, по похоть мертвой хваткой сцапала меня за горло. Вспомнил, как эта барышня буквально изнасиловала меня в трюме, каково ее тело на ощупь и на вкус.

А я вдали от жены уже десять дней, и вовсе не железный!

– Пойдем, – Лиргана поманила меня, и я потащился за ней, точно баран за пастухом.

Заняться сексом посреди стрельбища – идея не самая лучшая, тут же набегут любопытные, начнут давать советы, да и валяться на взрытой земле, посреди траншей, брустверов и мишеней не очень удобно. Трибун привела меня к одной из дверей в стене огромного зала, и буквально затащила внутрь.

Это оказалась подсобка, темная, грязная, забитая стеллажами со всяким барахлом.

– Сучал? – поинтересовалась Лиргана, поворачиваясь.

А в следующий момент я притиснул ее к стене, жадно сдавил одной рукой грудь, другой вцепился в гладкое бедро.

– Полегче... полегче... – промурлыкала она. – Трусы может снимешь? Герой...

Я тяжело дышал и суетился, точно старшеклассник, пришедший в гости к подружке и обнаруживший, что она ждет его в одном халатике. Только и мог, что ощупывать ее и нечленораздельно мычать, путался в застежках, и до дрожи в ладонях боялся, что не дотерплю, не выдержу.

Лиргана понимающе усмехалась, и я ненавидел ее за эту усмешку, хотел сделать ей больно.

– Вот так... – сказала она, когда я вошел в нее, и укусила меня за губу, так сильно, что я ощутил привкус соленого.

От экстаза все мое тело содрогнулось, я ощутил себя накачанным сверх всякой меры воздушным шариком, в котором пробили дыру. Задержался и вцепился в Лиргану, стиснул

посильнее, прижал к стене так, что ближайший стеллаж качнулся, с него со звоном что-то упало.

– Герой... – повторила она, и погладила меня по щеке с неожиданной нежностью.

Мне пришлось напомнить себе, что эта женщина безжалостна и расчетлива, что она некогда продавала себя и умеет манипулировать мужчинами, что ко мне она испытывает лишь влечение, замешанное на ненависти, и что если это ей окажется выгодно, она отдаст меня Равуде, и посмотрит, как тот будет резать меня на куски... Неожиданно мне стало холодно, возбуждение ушло, усталость навалилась на плечи как мешок с песком.

Я подтянул штаны и принялся застегивать ремень.

– Ну что же, будем считать, что мы поздоровались, – Лиргана оправила юбку. – Перейдем к делу.

И что ей от меня нужно?

Лиргана подняла руку с браслетом, и по щелчку ее пальцев над ним развернулся небольшой экран. Я увидел себя со спущенными до колен штанами, выпученные глаза, голую задницу, и прижатую мной к стене женщину с задранной кофточкой, свою жадную ладонь на одной из грудей.

Эта стерва записала все на видео – и сразу с нескольких сторон! Как? Как?

– Домашнее порно? – спросил я хмуро. – Что за ботва?

– А то за ботва, – голос Лирганы был сладким, и я понимал, что именно сейчас она получает удовольствие: когда может управлять мной, мучить меня, причинять мне боль. – Если ты не будешь делать то, что я тебе прикажу, то мы это виде отправим твоей супруге. Прекрасная женщина, верно? Любит тебя, да?

У меня перехватило дыхание, сердце забилося как бешеное, смесь страха и злости ударила в горло снизу как струя пара.

– Кто «мы»? – выдавил я. – А если я тебя придушу прямо тут?

Лиргана улыбнулась и двинула меня коленом в пах так, что я согнулся.

– Придушит он меня, – сказала она. – Суешь свой отросток во все, что движется. Только на это и способен. Если поднимешь на меня руку, то пожалеешь, очень-очень сильно.

Трибун не блефовала, она начала службу простым бойцом и поднялась до офицера, прошла сотни боев, убивала много раз.

– А как вы доберетесь до Земли? – спросил я, когда смог наконец распрямиться.

– Если бы ты приласкал меня как следует, прежде чем грубо и неромантично трахнуть, то ни о чем бы уже не спрашивал, – Лиргана приспустила кофточку с плеча, и я обнаружил на ее нежной коже татуировку: хищная лапа с тремя пальцами вроде птичьей.

Точно такая же имела у врача-шаввана, прописавшего мне «витаминки», точно такой же щеголял мой дядюшка Иван на Земле... но раньше такого украшения у нее не было, ведь я видел эту женщину голой, совсем без всего!

Вот это сюрприз!

Она не блефует, у них, кем бы эти «они» ни были, и правда есть доступ к нашему миру!

– А что надо делать? – тупо спросил я, ощущая себя волком, которого загнали собаки: оскаленные пасти и злобный лай со всех сторон, да еще и людишки подтягиваются, ружья наводят.

– Повиноваться, – Лиргана оскалилась мне в лицо. – А в чем конкретно – узнаешь. Если прикажем, то будешь дерьмо языком собирать... прикажем – убьешь кого-то из друзей. Иначе твоя жена узнает, как ты тут без нее развлекаешься... И все, прощай личное счастье.

Я открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же захлопнул его, поскольку так и не нашел слов. Трибун хмыкнула и вышла, намеренно толкнув меня плечом, а я остался – совершенно обалдевший и павший духом.

Глава 4

Столб пара вырвался из пола метрах в трех впереди нас, расплескался по потолку. Меня обдало жаром, а Диррг, которому досталось сильнее, выругался через стиснутые зубы. Невольно отступил на шаг, толкнув меня, и прибор в его руке, похожий на сдвоенную лопату, дрогнул.

Что это за штука, зачем она нужна – сержант-техник не объяснил, сказал только, что придумал и сконструировал ее сам.

По горячей зоне мы бродили уже час, видели многочисленные черные наросты вроде сталактитов и сталагмитов, обходили дыры в полу. Сородичи Котика с хрюканьем и писком удирали от нас, шумовые выбросы сотрясали стены, уши от них болели просто зверски, ядовитые запахи щекотали нос, но до настоящего яда дело, к счастью, пока не доходило, поэтому противогазы мы не надевали.

В горячей зоне, окружавшей исполинский двигатель линкора, было «уютно», как всегда.

– Что за ерундень? Сейчас настроим, – пробормотал Диррг, подтягивая к себе лопату: черенок у нее был обычный, разве что не деревянный, а вот пластиковых лезвий от него отходило две штуки, одно над другим, и покрывали их черную поверхность многочисленные волоски того же цвета.

– Как оно хоть работает? – спросил я.

Сержант-техник оглянулся на меня через плечо, в его прозрачных глазах я увидел сомнение – он явно не хотел раскрывать мне всего, и это было, честно говоря, обидно. Уговорил меня помогать, ссылаясь на свою болезнь, а в ответ на вопросы всякий раз уходил в глухую молчанку.

– Ловит определенное излучение, – сказал Диррг наконец. – Вот, на экране видно...

Венчал черенок небольшой экран, возникавший, если эту штуковину взять в руки: сплошная синева, по которой бегут слева направо белые полосы, то есть информации чуть больше, чем ноль.

– Появится красная точка – нужно идти в том направлении, – пояснил сержант. – Точка начнет увеличиваться, затем превратится в шарик... Предмет, который мы ищем, излучает в определенном диапазоне, его ни с чем нельзя спутать, такой вот он уникальный.

– А что это за предмет, чтоб я сдох? – раздражение в голосе я скрыть и не пытался.

– Это... – Диррг замер, глянул мне за спину. – Вперед, бегом! Противогаз!

У него было феноменальное чутье на опасности горячей зоны, поэтому я стартовал, не задумываясь. Сам сержант тоже побежал по коридору, трясая солидным брюшком и вскинув «лопату» на плечо.

За спиной мягко вздохнул великан, по стенам, между которых мы бежали, составленным из черно-белых и изумрудно-золотистых «микросхем», зазмеились тонкие трещины... Выхлоп, чтоб ему провалиться, и счастье, если пол не провалится под нашими ногами прямо сейчас!

Диррг споткнулся, но я подхватил соратника под локоть, перехватил его прибор. Оказался тот совсем легким, не больше килограмма, а рукоятка под пальцами вибрировала, точно живая.

Поворот, еще один, узкая лестница вниз, нас догнал второй вздох, не такой сильный, как первый, но пахнущий серой. Я мигом задохнулся, несмотря на надетый противогаз, перед глазами потемнело, в груди словно объявился бешеный кот, начавший драть ее изнутри когтями на многочисленных лапах.

Устоять! Устоять! Если упадешь, то ты труп!

Меня повело в сторону, я ударился о выступ стены, и резкая боль помогла очухаться. Новый вздох обошелся без боли, только с хрипами, я различил перед собой широкую спину Диррга, болтавшийся на ней рюкзак, и понял, что выключился на каких-то несколько мгновений.

– Давай! – бросил он через плечо. – Немного осталось!

Лестница кончилась, под ногами очутился пол очередного коридора, а справа – монолитная золотистая стена, за которой прятался собственно двигатель размером с деревню. Третья волна выхлопа толкнула сзади, но совсем мягко, и сердитый рокот затих вдалеке.

Удрали! А задержишься секунд на десять, там бы и остались!

– Живы, – сержант остановился и согнулся, упершись широкими ладонями в колени. – Ухх... Уффф... Пффф...

Несколько минут мы просто дышали, приходя в себя.

– Давай выпьем, сам Гегемон велел, – Диррг с кряхтением потащил с плеча рюкзак, внутри булькнуло, и на свет явилась обтянутая тканью старинная фляга с металлическим стаканчиком вместо крышки.

– Дедушкин самогон? – спросил я, настороженно глядя на прозрачную жидкость.

Пахла она слабо и безобидно – травой, мхом, листьями.

– Он, – признался сержант. – Рецепт лет двести, еще до Гражданской реформы.

Когда-то шавваны были просто бесправными рабами кайтеритов, но потом создатели Гегемонии осознали, что себе дороже, и стали давать некоторым чешуйчатым гражданство – чтобы те сами справлялись с быдлом. Разделяй и властвуй – работает по всей вселенной.

Я осторожно пригубил.

Самогон оказался густым, сладковатым, а от избытка вкуса я просто задохнулся. Мягкий огонь скользнул по горлу, и мне стало жарко, словно из тени я выбрался на солнцепек. Ощущение продлилось всего мгновение, а потом исчезло, и во рту остался привкус рябины, меда и лесных орехов.

– Закусывай, – Диррг протягивал мне пучок домашних колбасок, тонких, словно веревочки, с блестящими капельками жира, я сунул его в рот, ощутил волокнистую, мясистую плоть, крупницы соли и специй.

За колбасками явились пирожки – с фруктовым творогом, с мягкими орехами, что хрустели на зубах, источая кисловатый сок, с мелко нарубленным мясом, напоминавшим баранину, но более нежным, с чем-то вроде слабосоленой икры, хотя это могло быть что угодно, пыльца каких-нибудь растений или выделения гигантских молочнокислых лягушек. Проглотил я их – пирожков, не лягушек – наверное с дюжину, и запил еще одной стопкой самогона, который пошел как родной.

– Ну вот, так куда лучше, – сказал Диррг, который и сам отдал должное стряпне жены.

– Лучше-то лучше, – пробормотал я, сыто отдуваясь. – Но ты мне так и не ответил. Что мы ищем?

И вновь лицо сержанта навестили сомнения, он потер виски в мелкой чешуе, откашлялся.

– Уверен, что хочешь знать?

– Уверен, что не имею желания помогать, если не понимаю, чем занимаюсь! – произнес я это чуть резче, чем намеревался, и тут же пожалел: этот толстый парень не раз выручал меня, отнесся как к другу, когда я только появился на «Гневе Гегемонии», а я на него голос повышаю.

Диррг откашлялся, провел ладонью по белым волосам.

– Ты знаешь... ну, я говорю, что у меня со здоровьем не очень...

Он признался, что болен неизлечимо, только когда оказалось некуда деваться – симптомы говорили сами за себя.

– И врачи помочь не могут, ну...

– Да-да! – нетерпеливо перебил я его: видеть сильного, уверенного в себе сержанта таким вот мямлящим, почти заикающимся было неприятно. – Ты все это мне говорил! Не раз!

– Ну так вот на «Гневе Гегемонии» есть нечто, способное мою хворь вылечить, – продолжил Диррг чуть увереннее. – Я случайно узнал, еще когда в отставку ушел... Получилось так... И я нарочно сюда завербовался на сверхсрочную, чтобы эту штуку найти.

– Так какую штуку-то?

Сержант напомнил мне девчонку, с которой мы учились в институте и некоторое время встречались – она ужасно стеснялась слова «секс» и всех связанных с ним терминов, а когда нужно было эту тему обсудить, начинала заикаться и краснеть, использовала окольные выражения, дико нелепые и смешные.

– Это прибор, – выдавил он. – Очень древний. Который лечит все болезни.

Память моя сделала стойку – кто-то говорил мне о подобном устройстве, кто-то на линкоре, хотя это было давно... Из памяти всплыл резкий запах лекарств, стеллаж с пузырьками и коробочками, стол и сидящий за ним немолодой шавван... точно, врач с татуировкой!

И он еще название упомянул!

– Этот... Обруч Света? Сфера Очищения?

Диррг вытаращил глаза:

– Сияющий Обруч из Сферы Чистоты... а ты откуда о них знаешь?

– Слышал, – буркнул я. – Но это же император... то есть гегемонские сокровища. Откуда они здесь взялись?

Сержант пожал плечами.

– А что это вообще такое и как оно работает? Как выглядит?

Если эта фиговина и правда лечит все болезни, и воспользоваться ей могут не только кайтериты, под которых ее изготовили, а шавваны, то наверняка она сработает и на человеке, а точнее – на одной маленькой девочке по имени Саша. Осталось найти ее, подождать, пока Диррг не справится со своей хворью, а потом вежливо попросить.

– Тонкий золотой обруч – как лента. Если надеть на голову, то он светится, – описание вышло так себе. – А всего там семнадцать предметов, их создали еще до Чужацких войн, когда Гегемония была на вершине могущества... Первым был Трон Великолепия... очищает мозг, улучшает память, на нем лучше и быстрее думается... Ну и там остальные...

Ясно, что сержант и знал не особенно много, и желанием рассказывать не горел. Только вот и мне больше информации не было нужно – теперь я понимал, ради чего наша охота, и сам был готов облазить исполинский космолет, чтобы только найти эту побрякушку.

– Чего мы ждем? – я вскочил на ноги. – Давай еще по одной, и за дело.

К выпивке я равнодушен, но дедушкин самогон оказался и правда на диво хорош.

* * *

Встретившее меня в оружейке существо напоминало бесформенного динозавра в зеленой чешуе или очень уродливую пластиковую елочку, произведенную сидящими на опиуме китайцами. Из-под чешуйчатого плаща, скрывавшего существо целиком, струилась дикая помесь запахов – бензин, соленые огурцы, раскаленный песок.

– Пррроххходи, человввек, – прошелестело оно.

На одном из столов свивала кольца живая система связи: толстый удав без головы, из маслянистого бока которого на длинном и жестком отростке торчала архаичного вида телефонная трубка.

– Не спеши, зеленый, – буркнул я. – Чего ваша аппаратура во мне не работает?

И я выразительно постучал себя указательным пальцем по лбу, где-то за которым прятался встроенный «смартфон» для связи с домом – тиззгха установили его туда в обмен на

некую услугу, которую я им пообещал. Оказавшись на «Гневе Гегемонии» я тут же попытался активировать эту штуку, чтобы поговорить с Юлей, и у меня ничего не вышло.

И после установки она начала функционировать не сразу, но там хоть было ясно – почему.

– Когдда будддет нужжда, она включиттттся, – сообщил чешуйчатый плащ.

– А может ты заливаешь? Может она попросту сломалась, и я вам ничего не должен?

Когда я спросил у Юли, как для нее выглядели мои «звонки», совершенные прямо из головы, то она ответила – все как обычно, смартфон подавал сигнал, на экране появлялось мое имя на фоне смешной фоточки, где я держу Сашку, а она тянет ко мне ручонки; разве что при попытке перезвонить ничего не получалось, связь всегда обрывалась на первом же гудке.

Тиззгха зашелестел, как тысяча осин, одеяние его раздулось, полы взметнулись, обнажив нечто черное, извивающееся. В лицо мне ударила волна горячего воздуха, я невольно закрылся ладонью, а когда убрал ее, то передо мной стояли два нелюдя – второй был повыше и потемнее, и будто сутулился под чешуей.

– Человввек, – проклекотал он. – Ссделка в сссиле!

– А оборудование не работает.

– Всякий раз, когда ты пробуждаешь ее ото спячки, она ест плоть твоего мозга. Хочешь ли ты израсходовать его целиком?

Вот это номер, о таком меня никто не предупреждал!

– И за сколько сеансов эта ваша фигня мой мозг сожрет?

Тиззгха повыше наклонился ко мне, под плащом обозначилось движение, будто там зашевелилось сразу несколько рук.

– Мать Кладки не врет. Сделка заключена. Сейчас опасности нет, но риск есть. Придет время – мы напомним о себе. Все ли ясно тебе, человек? Так?

Мать Кладки? Это что, передо мной птица или ящерица женского пола? Сюрприз!

– Ничего не ясно, но ладно. А имя у тебя есть? Надо знать, с кем я договорился.

Тиззгха запыхтели, заперхали в унисон, и я сообразил, что они смеются.

– Ты не выговоришь его, человек. Но попробуй...

Я услышал нечто вроде «Тир-Тир-Вага-Хуммаа», но между знакомыми звуками прятались странные, чуждые, царапавшие слух, даже не понять – гласные или согласные.

– Очень приятно, – сказал я.

– Не думаю. Сделка в силе! – вновь непонятно откуда ударил порыв ветра, и две зеленых конических фигуры слились в одну, мгновение она выглядела толстой и высокой, а потом стала обычной.

А я отправился к столу, и взялся за теплую, вибрирующую телефонную трубку.

– Привет, – сказала Юля чуть устало. – Рада тебя слышать. Как ты там?

– Нормально, – бодро отрапортовал я, стараясь не думать о том, что уже наставил супруге рога, получил по морде, оказался в лапках у шантажистов и под надзором особистов. – Дело такое, работаем...

– Командировка, – проворчала она. – Все знают, чем мужики там занимаются. Расскажи хоть подробно...

– Ну... – осторожно начал я. – Гоняю молодых, а то набрали тут по объявлениям. Один из самой Америки, прикинь... Держит ав...

Слово «автомат» договорить мне не дали – в ухе раздался громогласный треск, и живая трубка напряглась, дернулась в ладони, как рыба на крючке.

– Не все можно говоррррить, человек, – напомнил тиззгха.

– Да знаю я... Юля, ты здесь?

– Тут. Эх, ты...

Как бы мне хотелось обнять ее, прижать к себе, услышать эти слова не с помощью живой аппаратуры, а лично, но ничего не поделаешь, должен тянуть лямку тут, среди существ, лишь похожих на людей.

– А так у меня все хорошо, здоров, кормежка отличная.

Непонятно как, но за проведенное дома время я ухитрился так и не рассказать, где был и чем занимался. Ну и жена у меня умница – быстро сообразила, что эта тема меня совсем не радует, и перестала ее касаться.

Сейчас промолчать еще проще, но хоть что-то надо же говорить!

– Как вы там? – спросил я. – Как мама, как Сашка?

С мамой все оказалось неплохо – нездоровье у нее прошло, так что несколько дней назад она к ним даже в гости заявила, хотя обычно этого не делала, мы сами к ней ездили.

– На работе завал, как обычно, – сообщила Юля. – Нельзя же так с нами обходиться!

Она врач, работает в больнице, и бумажками всякими их мучают неимоверно, на больных времени не остается.

– Сашка же... – жена замолчала, и сердце мое оборвалось.

– Что? Что?

Я примерно знал, что скажет Юля, понимал, что это неизбежно, и все равно боялся это все услышать.

– Не очень хорошо... боли снова, уколы приходится делать... На процедуры ее вожу.

Я заскрежетал зубами, накатило желание выдрать трубку с корнем, швырнуть в стену. Я готов пойти на край вселенной, сделать что угодно, продать себя в рабство, лишь бы вылечить дочь, но прекратить ее мучения прямо сейчас я не смогу, и это чудовищно, мерзостно, отвратительно.

Лучше бы я сам страдал!

– Ладно хоть деньги перевели твои работодатели, – сообщила Юля. – Гегемония... – тут в ее голосе прозвучала неприязнь – и понятно, как жена может относиться к конторе, забравшей у нее мужа? – Чтoб она развалилась на куски и сгинула, а ты поскорее вернулся.

– Пусть сначала всю сумму отдадут, а потом разваливаются! – поспешно вмешался я. – Давай, у меня тут время к концу подходит.

Сегодня и так расщедрились, выделили на разговор пятнадцать минут вместо десяти.

Мы попрощались, живая трубка бессильно обмякла в моих руках, и я затопал к двери, опустив голову. После операции, на которую я заработал на этом же самом линкоре, мы решили, что все – худшее позади, и как же быстро стало ясно, что мы ошиблись, крайне жестоко ошиблись.

И правда что ли найти этот Сияющий Обруч?

Ага, предмет с человеческую голову на «Гневе Гегемонии», настоящем летающем городе... Ага, предмет, которого на корабле может вообще не быть, ведь то, что Диррг где-то что-то подслушал, ничего не доказывает, и что тут вообще делает элемент Сферы Чистоты?.. Ага, предмет, сила которого может быть вообще преувеличена, и который может не подействовать на человека... пусть он даже лечит похожих на нас кайтеритов, ну и что?

Как в сказке – пойдй туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

В общем из оружейки я вышел в полном помрачении, даже не заметил начальника штаба манипула и не отдал ему честь. В результате меня поставили по стойке смирно и пропесочили по всем правилам армейской мозговой гигиены, разве что без вантуза и моющих средств.

А войдя в казарму, я обнаружил на своей койке плоский сверток из темной ткани.

– Это еще что? – спросил я.

– Только что принесли, ха-ха, – отозвался Макс, на правах опытного бойца поменявшийся местами так, чтобы обитать рядом со мной. – Незнакомый техник, вапще. Прилетел, точно в задницу ужаленный, бросил и удрал, ха-ха.

Я осторожно коснулся свертка, тот зашелестел, под темной тканью обнаружилась светло-зеленая, цвета пехотной формы: отглаженные штаны, рубашка, это что, парадная форма? На груди оказался не только герб корабля, но и знаки различия, которых на полевой обычно не бывает, ведь по браслету видно, кто перед тобой, где служит, и чем знаменит.

А здесь все красивым и аккуратным шитьем черного цвета без торчащих ниток: третья когорта, второй манипул, шестая центурия, десятник.

– Это что, мне теперь такое положено? – спросил я озадаченно.

– Конечно, – согласился Макс, и с разных сторон его поддержали ехидными смешками. – Клево, будешь на парады ходить, девчонки в тебя будут влюбляться сотнями... Тысячами!

– Однажды Первый Охотник нашел перо попугая, – Дю-Жхе, как обычно, заговорил неожиданно, и все замолчали, услышав его глуховатый голос. – А тогда он еще не видел птиц. Он решил, что это украшение, посланное ему с небес, и воткнул его себе в волосы, прямо за ухо.

Байки ферини поднимали мне настроение, почти всегда, но только не сейчас – слишком уж плохие новости получил я из дома.

Я только вздохнул, вспомнив, как мы ходили с Сашкой в зоопарк три месяца назад, и она с открытым ртом смотрела на попугаев. Отложил в сторону рубашку, и обнаружил в свертке еще один, неожиданный предмет – шапочку вроде фески, только без кисточки, того же светло-зеленого цвета.

– ...и сказал Огненный Попугай Охотнику... – Дю-Жхе неожиданно замолк, хлопнула дверь, и в казарме объявился центурион Гага.

– Ты что тут стоишь?! – рявкнул он. – Сообщение было!

– Никак нет! – я поднял руку с браслетом – любая техника время от времени глючит, что земная, что инопланетная.

– Поговори мне! – центурион запыхтел. – Быстро в парадку и к второму portalу! Лучших бойцов отправляют в Столицу, награждать! Сам Гегемон!

– За что? – недоуменно спросил я.

– За операции на Бриа! – судя по физиономии, Гага меня бы не наградил, а наказал. – Быстро одевайся! Бегом!

Я торопливо принялся стягивать с себя майку.

Глава 5

В порталный зал я прибежал последним, запыхавшийся, потный в новенькой парадной форме, с дурацкой круглой шапочкой в руке. И обнаружил там не только легата-наварха, командира «Гнева Гегемонии» в сопровождении свиты из полудюжины офицеров, но и Лиргану, и Равуду.

– Где тебя носит? – прорычал легат Надвиз, буравя меня злым взглядом.

– Виноват! – я вытянулся перед ним.

В другой ситуации мне бы досталось на орехи, но тут он только махнул.

– Кто линкор перед Гегемоном посрамит, того я сам, лично на куски порежу, – пообещал Надвиз.

И мы двинулись к portalу – цепочкой, один за другим.

Нырять в голубое пламя, я задержал дыхание – раньше я проходил через него либо уже в знакомое место, либо вообще не понимал, что происходит, а тут мне предстоит попасть на другую планету, центр исполинской Гегемонии, для которой Земля не больше деревушки. Меня замутило, и я обнаружил себя в другом зале, намного больше, с высоким потолком и колоннами.

Отскочил в сторону, давая дорогу следующему, и огляделся.

Стен как таковых тут не было, за колоннами виднелась густая зелень деревьев, доносились журчание воды, мягкий ветер нес запахи листвы и цветов. Колонны черного мрамора взлетали на высоту метров в двадцать, а с потолка свешивалось множество древних знамен, сине-золотых, красно-белых, густо-фиолетовых.

Я поймал злобный взгляд Равуды, и он красноречиво провел пальцем по горлу. Помечтай, помечтай, урод...

– Смирно! – приказала Лиргана, старшая по званию в нашей группе.

Вошедший в зал очень высокий кайтерит мог похвастаться светлыми волосами на голове. Увидев вытянутое, лошадиное лицо, узкие красные глаза и улыбку с температурой чуть повыше абсолютного нуля, я невольно поежился.

Принц Табгун, родственник Гегемона, полководец, консул и еще там кто-то.

– Вот они, наши героические герои, – лениво проговорил он, осматривая наш строй. – Именно на таких людях... – пауза, словно провал в речи, неожиданный, сбивающий с толку, – держится наша армия. Вольно... славным достается слава, и я рад приветствовать вас во Дворце Семидесяти Фонтанов.

Ого, это мы в резиденции правителя!

Табгун пошел вдоль строя, вглядываясь в лица, и я взмолился всем богам одновременно – только бы он не вспомнил меня, только бы он не вспомнил меня... Моления однако до адресатов не дошли – принц остановился рядом со мной и улыбка на его лице изменилась, в ее холоде появился некий личный оттенок.

По спине у меня побежала дрожь.

– Вот и ты, боец, – сказал Табгун почти угрожающе, и тут у меня затряслись ноги. – Радостно видеть, что ты... – снова пауза, – уцелел в передрягах кровавых сражений, развернувшихся на Бриа.

«И что ему от меня надо?» – подумал я с тоской.

Опять мне достанется на орехи от командиров, снова меня позовет к себе Геррат...

– Только вот помни, боец, что смерть порой... приходит от руки, которая выглядит дружеской, – принц сделал непонятное движение, словно повернулся внутри идеально сидевшей на нем формы, темно-синей, какую носят флотские, с многочисленными нашивками и аксель-

бантами, и у меня непонятно почему закружилась голова, захотелось упасть на колени перед ним, обнять ноги и зарыдать.

Это я что, словил солнечный удар?

– Еще увидимся, боец, – добавил Табгун тоном инквизитора, расстающегося с узником после пытки, и зашагал дальше.

Я сглотнул пересохшим горлом, и понял, что весь мокрый от пота.

– Следуйте за мной, – велел принц, закончив осмотр и не заговорив больше ни с кем, даже с Лирганой.

За дверью, через которую он явился, обнаружился другой зал – с таким же высоким потолком, без колонн, и со стеклянными стенами. Я увидел панораму раскинувшихся за ними садов – аккуратно подстриженные живые изгороди, свечи деревьев вроде кипарисов, струи многочисленных фонтанов, что взлетали и падали, оставляя водяную пыль, в которой играло солнце, танцевали крохотные радуги.

Кое-где из зарослей поднимались белоснежные округлые сооружения с остроконечными крышами.

– Немногие могут похвастаться, что видели то, что вы увидите сейчас, – сообщил Табгун через плечо. – Хотя все слышали об отвратительном бунте, случившемся двенадцать лет назад... И чтобы опираться на верность верных, мы показываем вам то, что сохранено. Узрите же!

Мы прошли через новую дверь, и оказались... посреди руин.

Мраморный пол взрыт, в нем трещины и выбоины, потолок обрушился, несколько колонн лежат, точно исполинские стволы. Всюду осколки стекла, куски блестящего металла, обрывки яркой ткани, у стен застыли шкафы с распахнутыми дверцами, искореженные, покосившиеся.

– Здесь некогда... располагалась главная сокровищница, – Табгун покачал головой. – Ворвавшиеся сюда мятежники, лишенные разума негодяи, похитили все, до чего дошли их руки, в том числе и несколько предметов из Сферы Чистоты, которая с тех пор не может похвастаться полнотой полноты.

Так, и Сияющий Обруч у нас из этой самой Сферы, и выходит, что кто-то из повстанцев его утянул, потом спрятал на «Гневе Гегемонии», а Диррг как-то об этом узнал и теперь ищет эту штуку... Но куда делся сам похититель... умер, не успев забрать имущество? Попади он в руки Службы надзора, мигом бы все рассказал.

– Тут закипел последний бой, где части, верные Гегемону, да правит он вечно, встали насмерть, – если Табгуна когда-нибудь лишат титулов, денег и привилегий, он сможет зарабатывать на жизнь как бродячий сказитель. – Многие расстались тогда с жизнью, почти все были ранены, но... не отступили ни на шаг, и благодаря этому цивилизация устояла.

«Интересно, а где ты сам был в тот день?» – подумал я.

– Дворец восстановили, но этот зал оставили нетронутым как память о верности, – принц сделал паузу, еще более длинную, чем обычно. – Надеюсь, вы ощутили дух места. Теперь за мной, награды ждут вас.

И мы потащились через анфиладу комнат, причудливо украшенных, набитых изящными вещами, которые я не в силах ни описать, ни назвать. Случился передоз новых впечатлений, комнате на третьей я устал восхищаться и открывать рот, и просто тащился за остальными, как баран на бойню.

Пару раз мы свернули, и очутились в очередном зале, по сравнению с которыми увиденные ранее выглядели каморками.

– Ну ни хрена себе... – прошептала Лиргана: проняло даже ее.

Вместо крыши над головой скопление кучевых облаков, они даже движутся, но за пределы зала не выходят. Вдоль стен огромные, в три человеческих роста статуи – воины в броне-защите и с оружием, дамы в пышных платьях, благообразные пожилые мужчины со свитками

в руках, многие по-кайтеритски безволосые, но не все; должно быть всякие деятели, кто вложился в создание и сохранение Гегемонии.

И трон, похожий на застывшую волну, сине-зеленый, с белой спинкой.

Зал был пустым в тот миг, когда мы вошли, но тут же начал заполняться – зашелестели роскошными халатами мужчины и женщины, сплошь кайтериты, холеные, надменные. Вокруг трона образовалась толпа, и на его вершине объявился согбенный старик – откуда он там взялся, я не понял, сдвинулось что-то, и в белоснежном кресле возник этот тип, дряхлый гриб в лиловой тунике.

– Приветствуйте великого Гегемона, Защитника Справедливости и Держателя Мира, Приносящего Первую Жертву, Говорящего с Истиной, Того, кто Поддерживает Пламя! – рявкнул здоровенный мужик, разряженный как петух, и все одновременно склонились в пояском поклоне.

Я чуть отстал, поскольку совсем не понимал, что делать.

Когда распрямился, белое кресло медленно ехало вниз по склону волны, а Табгуну несли подушку, на которой аккуратными рядами лежали медальки: золотые толстые кругляши разбрасывали искры, черные ленты с бантами змеились, точно щупальца.

– Сегодня награждены будут герои битвы на Бриа! – вновь подал голос здоровяк. – Планета сия населена непокорными дикарями, не желающими радостно встать под сень благостной руки цивилизации, упорствующими коснеть в невежестве, грязи и нищете! Доблестные воины Гегемонии несут им спасение, мир и благодать!

Я вспомнил бриан, их гордые лица, мирные поселки, и подумал, что пропаганда всюду и всегда одинакова.

– Героям первых сражений на Бриа сегодня будут вручены Медали Малого Солнца! – продолжал надрываться глашатай. – Тем, кто проявил храбрость и показал воинское умение!

Мой взгляд упал на Равуду, и меня перекосило от злости – этот урод стрелял в своих, насиловал пленниц, а его произвели в «герои»? Да чтоб я сдох, нахрен эту награду! Вот только никто меня не спросит.

Гегемон встал из кресла, Табгун подал ему одну из медалей.

– Трибун Лиргана! – объявил глашатай, и кружок из золота закачался на груди, которую я не так давно тискал.

А потом хозяйка этой самой груди... дальнейшее вспоминать не хотелось.

– Трибун Явайни!

Этот принадлежал к народу, которого я не знал даже названия – очень длинные пальцы на висящих до колен руках, узкие плечи, огромная голова без ушей, иссиня-черная кожа и прозрачные, точно вода глаза.

– Центурион Иргис!

Ну этот шавван, все понятно...

Гегемон подходил ближе и ближе, а я думал, насколько плохо он выглядит – дрожащие руки, согнутая шея, неуверенные движения, мутный взгляд, шаркающая походка. Жить ему явно недолго, а это значит – близка драка за трон, и драка безжалостная, как принято в этих случаях.

Интересно, сын у правителя есть?

Надо будет у Пирь спросить, она у нас фанатеет от правящей семьи, все о них знает.

– Десятник Егорандреев! – объявил глашатай, и я вздрогнул, распрямился.

От Гегемона просто смердело гнилой плотью, и я брезгливо вздрогнул, когда его пальцы коснулись моей груди.

– Да светит тебе солнце, – прошамкал он, подняв на меня алые глаза.

– Служу Гегемонии – ответил я и вздрогнул повторно, на этот раз от удивления – мой взгляд, рыскавший в толпе у подножия трона, наткнулся на женщину с роскошными светлыми волосами.

Круглое лицо, смуглая кожа – она могла быть сестрой Юли, или скорее матерью! Только вот смотрела она с наивностью маленького ребенка, открыв рот, а по подбородку сбегала струйка слюны.

Слабоумная? Но кто пустил ее сюда?

И какое удивительное сходство, а ведь одна родилась тут, в Столице Гегемонии, другая на Земле!

Я отвел взгляд, обнаружил, что выдача медалей закончена, и правитель зашаркал обратно к трону. Табун же остался рядом с нами, а точнее – рядом с Равудой, и эти двое о чем-то шептались, вполне доверительно, будто старые друзья, и на лице моего смертельного врага красовалась довольная улыбка.

Как бы я хотел ее стереть... но сегодня не получится.

* * *

В огромном шатре было тесно и жарко, ни никто из набившихся внутрь бойцов и не думал уходить.

На сцене у задней стенки шатра танцевали, извиваясь, три гибкие женщины. Блестела кожа, словно покрытая лаком, ползли по ней узоры – пятна со шкуры леопарда, полосы зебры, серебристая чешуя, огненные языки. Волосы женщин то отрастали до пят, то становились короткими, лица текли, словно отражения, и еще они испускали... что-то... совершенно не знаю, как назвать – запах, эманацию, радиацию.

Глядя на них, я ощущал, что все трое обнимают меня, ласкают нежными руками, лижут шершавыми язычками. Я понимал, что это иллюзия, но победить ее не мог, гениталии мои наполнялись кровью, я дрожал, сердце лупило все чаще и чаще, по лицу и спине тек раскаленный пот.

Стоявший рядом Макс вывесил язык и дышал, как пес на жаре, сзади, судя по размеренному сопению, кто-то вовсю баловался рукоблудием.

– Вапще... – прошептал Макс, и я закрыл глаза, поскольку понял, что не могу больше смотреть, что сам схвачу себя за яйца, чтобы только не мучиться.

Но не помогло – под закрытыми веками извивались те же три фигуры, истома накатывала волнами, я качался на них, точно плотик в кильватере парохода, из глаз моих текли слезы. Вспомнить весь секс, который только случился в моей жизни – ничего подобного я никогда не испытывал.

– Аааа... Оооо... Ух-ух... Ой... – доносилось со всех сторон.

Когда мы только покупали билеты на «эротическое шоу трансморфов», я думал, что будет полная ерунда... Сейчас же я ничуть не жалел о потраченных деньгах, и мечтал, чтобы это никогда не закончилось...

А потом наваждение сгинуло, я обнаружил, что стою как дурак, с эрекцией, и пялюсь на пустую сцену.

– Круто! – воскликнул Макс. – Ха-ха! Как сказала императрица Екатерина Вторая – развратом тешиться нам любо, и в честь чего раскатим губы! Уф! Тебе понравилось?

Я только кивнул и двинулся к выходу из шатра.

Ярмарка, как и в прошлый раз, раскинулась на все стрельбище, заняла его от стенки до стенки: шатры, палатки, навесы, и везде что-то продают выходцы из десятков планет. Снаружи мне стало полегче, свежий воздух охладил лицо, одурение ушло из тела и рассудка.

– Тут есть один закуток, где наливают разное, – зататорил Макс. – Пойдем?

Дю-Жхе с энтузиазмом кивнул, а я отказался – пить не хотелось совсем.

Они ушли, а я отправился бродить по ярмарке, но задержался у первого же прилавка с книгами, торговал которыми старый кайтерит, морщинистый, сутулый.

– Что угодно? – спросил он. – Дайте я сам угадаю... Хороший продавец все видит... Должен знать, что ищет разумный... Вы в поиске знаний... Глубоких, настоящих, о многом...

Я хмыкнул – ну какие знания, мне бы выжить и домой вернуться.

– Вот, есть уникальная вещь, – а кайтерит уже протягивал книжку в переплете из коричневой кожи. – Живая Энциклопедия: все обо всем в одном маленьком томе... Честно... Целая Гегемония сведений в крохотном объеме.

Я взял книжку, гладкую и приятную на ощупь – а что, неплохой будет сувенир. Текст на языке, который никто на Земле не сможет прочитать, ну кроме меня, поскольку у меня есть переводчик.

– Почему? – спросил я.

– Десять долларов, – понятно, что старик-кайтерит назвал сумму в других единицах, и переводчик в голове мгновенно все пересчитал.

Я решил, что сумма невелика, и стал обладателем маленькой, но увесистой книги. Повернулся, чтобы уйти, и мигом забыл о покупке, когда у соседнего прилавка, где торговали женскими побрякушками, заметил Етайхо.

Я захотел поговорить с гирванкой, едва ее увидел, но случая до сего дня не было.

– Выбираешь? – спросил я.

Девушка посмотрела на меня и стеснительно кивнула, положила на место сережки в виде серебристых улиток, в центре завитка у каждой – крохотная алая капелька.

– Слушай, такая ботва... – я не очень знал, как начать беседу. – Прежний десятник...

– Йухиро, я знаю, – Етайхо кивнула. – Твой родич Макс мне рассказал. Он погиб. Очень жаль.

– Да, точно... – кто бы сомневался, что московская хипстота растреплет все на свете. – Но когда он был жив, он говорил необычные вещи... Насчет меня...

Мне достался еще один взгляд, на этот раз удивленный, и девушка поправила выбившуюся из прически прядь цвета медной проволоки.

– Что я должен спасти мир... – я сам понял, что это прозвучало глупо, и разозлился. – Как-то это связано с вашей религией. Чтоб я сдох... ты не можешь сказать, что это значит?

Етайхо шмыгнула носом, совсем по-человечески.

– Я простая девушка, – сказала она. – Всю жизнь работала в поле. Ничего не знаю. Жрецы все понимают, мы лишь хотим покинуть Колесо Воплощений и молимся Надзирающим о памяти.

Она говорила монотонно и равнодушно, и вид у нее был испуганный и робкий.

– А кто может помочь?

– Ничего не знаю. Кто-то из жрецов.

К злости на себя добавилось раздражение – похоже, мне не повезло, Етайхо и правда ничего не знает, да и просто дура.

– А кто-нибудь из них есть на «Гневе Гегемонии»? Тут немало ваших.

– Ничего не знаю.

Мне только и осталось, что пожать плечами и отправиться восвояси.

Пробираясь через толпу, я заметил Молчуна, альбиноса-игву, одного из приспешников Равуды. Вскоре стало ясно, что он идет за мной, а рядом с ним топает бюдрака в два раза меня шире, с тупой и сонной физиономией.

На прошлой ярмарке я ухитрился попасть в их ловушку, но теперь не дамся.

В толпе напасть они не рискнут, попробуют заманить в какой-нибудь закуток между палатками, который не видят камеры.

– Ну что же, поиграем, – прошипел я, убирая книгу в рюкзак.

Я свернул в очередной проход, миновал перекресток, где толпа собралась вокруг фокусника. Когда преследователи скрылись из виду, повернул еще раз, чтобы пробраться к стене и уйти одним из технических проходов – палубой ниже, и там в казарму.

Пользоваться проходами меня научил Диррг, и вообще благодаря сержанту я узнал об устройстве линкора больше, чем знали некоторые офицеры.

– Какоой приятный дееень, – заявил Равуда, преграждая мне путь. – Иди сюда.

Я отшатнулся, но он уже сцапал меня за плечо, и мигом позже рядом оказались Молчун и бюдрака. Последний сжал лапищу на моем запястье, и я понял, что хватка у этого увальня с пушистой рожей железная.

– Оборзели? – прошипел я. – Нападение на старшего по званию!

– Хы? – Молчун осклабился, и пшикнул мне в лицо чем-то сладким из маленького баллончика.

Перед глазами все помутилось, я на миг потерялся, потом осознал, что меня куда-то ведут, а я послушно переставляю ноги.

– Бывааает, выпил на ярмарке, за ногами не уследил. О да-да... Мне ли не знать... – шептал мне в ухо голос Равуды. – Товарищи пытались отвести в казарму, но не уследили... Убежал. А тут как раз люк в канализационную систему, открытый... какая неудача, ой-ой-ой...

С одной стороны тянулась стена огромного зала, серые металлические пластины, с другой – тыльная часть палаток. Я хотел закричать, но сил хватало только на то, чтобы дышать и идти туда, куда меня практически тащат.

А затем под ногами оказалось пусто, и я полетел вниз, в смрадную темноту. Зацепился спиной, потом ударился подошвами с такой силой, что лязгнули зубы, и меня швырнуло в сторону. Под спиной чавкнуло, затылком приложился о стенку, и показалось, что череп мой треснул, как яйцо от удара ложкой.

Удивительно, но сознания я не потерял, может быть от той отравы, которой меня одурманили.

– Б... б... блин... – пропыхтел я, ощупывая голову.

Нет, цела, и даже крови нет, только свежая шишка, башка трещит конечно, и болит подвернутая лодыжка, но в целом жить можно.

– Прощай, волосатый, – сказал сверху Равуда, и раздался металлический скрежет: мерзавцы закрыли люк.

Света было мало, но глаза привыкли, и я огляделся – узкая и высокая камера, ведущий к люку колодец, в торцах забранные решетками громадные трубы. Отстойник, фильтрационная камера, одна из многих, где скапливается и уничтожается всякий мусор, который прямо сейчас воняет и чавкает у меня под ногами.

А для этого используется система измельчения, которую включают два раза в сутки, в полночь и в полдень.

– Твою мать, – я похолодел.

Если я не уберусь отсюда за пятнадцать минут, то меня измельчит вместе с той дрянью, в которой я стою. До люка не добраться, лестница поднята, нужно пролезть в одну из труб, сломать или снять решетки.

Я метнулся к ближайшей, дернул изо всех сил... держится, черт!

Хлопнув себя по лбу, я поспешно содрал с плеч рюкзак и принялся рыться в карманах. Набор отверток мне подарил Диррг, и поскольку я время от времени ремонтировал снарягу, то таскал его с собой постоянно.

Нифига не видно, какие тут шурупы... ага, крест... вот эта подойдет.

Потные руки соскальзывали даже с пупырчатой лихорадки, я пыхтел и задыхался, ржавый толстый шуруп шел с трудом. Я не знал, сколько времени у меня осталось, и все ждал, когда пол затрясется мелкой дрожью, когда с тихим шорохом включится измельчитель.

Первый есть... второй... третий...

Негромкое жужжание коснулось моего слуха, когда остался последний, восьмой. Ухватив решетку обеими руками, я потянул, налег изо все сих, не обращая внимания на боль в ногах. Раздался металлический скрежет, и я прыгнул вперед, в трубу, где основательно приземлился на локти.

За моей спиной мусор с шуршанием и чмоканьем превращался в сырую грязь, которую смывает вода. Я лежал на животе и тяжело дышал, я не знал пока, как выберусь из канализационного лабиринта, устройство которого представлял не очень хорошо.

Ясно было одно – проклятый Равуда ничего не забыл и ничего не простил, и от планов убить меня вовсе не отказался.

Глава 6

На обед я пришел с опозданием, и торопливо набрал на поднос кучу всякой еды.

Сегодня повара решили порадовать нас тыквенным супом, в котором плавают семечки, рыбой в кляре, сочной и жирной, салатом из морских тварей, которые только напоминали наших кальмаров, но были куда мягче, или тут просто умели их готовить как следует. А на десерт я выбрал пару кусков торта, настоящего, со взбитыми сливками, со множеством слоев – жесткий хрустящий корж, мягкое ягодное суфле, вафли, что-то еще, совсем незнакомое, похожее на сладкую колбасу.

Взял бы и три куска, но в последний момент все же победил гнусную жадность. Поскольку наши уже уходили, я сел за пустующий стол в уголке и отдался не менее гнусному чревоугодию.

Если бы нас не гоняли физухой, если бы я сам не упарывался как десятник, то я бы точно начал толстеть.

Тыквенный суп я проглотил со сладострастным урчанием, разгрызая семечки. Прикончил рыбу – ни единой косточки внутри теста, то ли их там не было никогда, то ли их растворили неведомым мне образом, заполировал все это салатом, где морских гадов дополняла свежая, точно с грядки зелень, и вонзил зубы в первый кусок торта.

И тут рядом с моим столом появился Билл – откуда он взялся, я не понял, столовая почти опустела.

– Ваш Путин – дерьмо! – сообщил мне американец безо всяких предисловий.

Я мрачно вздохнул.

Мало мне шантажа со стороны Лирганы, покушений на мою жизнь, задуманных Равудой и его дружками, еще и этот прыщ на ровном месте...

Ярмарка прошла пять дней назад, и тогда я выбрался из канализации достаточно быстро. Дошагал до ближайшего колодца, открутил еще одну решетку, и вот он я, на шестнадцатой палубе, грязный, сырой и вонючий, но живой и очень-очень сильно злой.

Я ухитрился проскользнуть в казарму и застирать попорченные шмотки так, что никто не заметил. И никому ничего не сказал, кроме Макса и Дю-Жхе – все равно командиры мне не поверят, как не поверили в прошлый раз. Наградой мне стали выпученные глаза кайтерита и его дружков вечером, на построении центурии – они пялились так, словно обнаружили призрака.

– И ваша Россия – полное дерьмо! – выпалил Билл, агрессивно выпячивая челюсть. – Понял, десятник?

– Эй, полегче, – я отложил торт. – Мы в Гегемонии, никакого Путина тут нет.

Но он меня не слушал, голубые глаза блестели как оловянные пуговицы:

– Вы тупые, злобные и тиранические! Отравляете людей по миру, и все такое! Америка же несет демократию и свободу!

По лицу моему пробежала горячая волна, кулаки сжались сами.

– Если надо, то мы сотрем вас с лица Земли за два часа! – продолжал этот идиот. – Превратим вашу страну в руины и все такое!

Я встал, я еще пытался контролировать себя, но стул толкнул назад слишком резко, и тот упал с грохотом.

– Заткнись! – прошипел я.

– А что ты сделаешь, десятник? – Билл ухмыльнулся с наглостью бухой кинозвезды. – Накажешь? За что? Тебя я не оскорблял, на Гегемона не гнал. Ты вообще это, как оно, тут... Водку давно не пил, видать, и на балалайке не играл своей.

Я сделал шаг в сторону, в обход стола, и ударил, хотя дистанция была великоватой. Естественно, что не попал толком, лишь зацепил его, но красивое лицо американца исказилось от боли.

– Э, ты чего? – он отскочил, выставил кулаки.

И тут я налетел на него по настоящему – удар в скулу, пусть заблокирован, ответный по уху, фигня, поскольку вторым я угодил ему точно в солнечное сплетение. Билл согнулся, рот его открылся, физиономия покраснела, и я врезал по этой физиономии еще раз, с оттягом.

Американец упал с каким-то деревянным стуком.

– Отставить! Смирно! – заорал кто-то, но я не обратил внимания, я присел и ухватил Билла за майку на груди, подтянул к себе.

– Будешь еще всякое дерьмо говорить? Будешь? – прошипел я так яростно, что собственная слюна обожгла мне губы.

Чьи-то руки вцепились мне в плечи, я попытался стряхнуть их, но не сумел. Минимум четверо разумных ухватили меня разом, буквально вздернули на ноги, прижали предплечья к бокам.

– Пустите, вы... блин! – пыхтел я, извиваясь и дергаясь.

– Отставить! – громыхнуло прямо в ухо, и я узнал голос: трибун Шафир, и откуда он только взялся в солдатской столовке?

Меня развернули, и я обнаружил командира манипула прямо перед собой.

– Смирно! – рывкнул он, и я невольно вытянулся, хотя все еще дрожал от ярости. – Цирковые номера снова вздумал показывать? Получил медаль от Гегемона, и все можно? – алые глаза трибуна метали молнии, покрытая оспинками щека подергивалась от гнева. – Немедленно в карцер! Сутки!

– Эй, а он?! – начал я, собираясь сказать, что гнусный Билл меня спровоцировал.

Только меня уже волокли прочь, к выходу из столовой, и дальше по коридору, к лифтовой площадке. Распоряжался в «конвойной команде» длинный, как сопля, вилидаро, командир третьей центурии – я даже не знал его имени, поскольку в прошлой кампании он не участвовал.

– Пустите, черт! – прорычал я. – Сам пойду.

Карцер обнаружился на одной из нижних палуб, чуть ли не над самым трюмом. Распахнулась толстенная дверь, я ощутил запахи дерьма и засохшей крови, и меня толкнули вперед, в жаркую темноту.

Щелчок за спиной, я моргнул и понял, что свет тут все же есть, хоть и слабый, проникает в щель над дверью.

– Дело швах... – пробормотал я, моргая.

Камера два метра на метр, чуть больше фильтрационной, где я едва не отдал душу. Голый пол, голые стены, в дальнем углу видна дыра в полу, куда положено справлять потребности, и судя по запаху, тут никогда не убирались.

И почему-то очень жарко...

Лампочка под потолком вспыхнула, в глаза словно воткнули по шилу, и я невольно прикрылся рукой. Когда привык, то убедился, что при свете карцер выглядит еще хуже, чем во мраке – темные пятна на полу и стенах, то ли засохшее дерьмо, то ли кровь, потолок в черных разводах, вентиляционное отверстие без решетки, маленькое и слишком высоко.

Браслет на руке брякнул, и подняв руку, я увидел, что у меня списали пятьсот баллов опыта – почти все, что я накопил с момента второго появления на «Гневе Гегемонии». Поскольку боев пока не было, набралось немного.

– Дело швах, – пробормотал я, думая, что еще немного, и лишат меня статуса десятника: это ладно, главное, чтобы денег не лишили.

Мне стало до озноба холодно при мысли о том, что из-за дурацкой драки, из-за того, что я повелся на провокацию идиота-американца, я могу оставить Сашку без лечения... нет, только не это!

* * *

Шум из вентиляционного отверстия донесся в тот момент, когда я уже настроился поспать. Сначала долетело шуршание, потом недовольное хрюканье, а услышав чих, я невольно улыбнулся.

Понятно, кто собрался ко мне в гости!

Котик спрыгнул на пол, махнул пушистым хвостом, и я обнаружил у него во рту нечто черно-белое.

– Это что? – спросил я. – Ой, какой ты молодец! Спасибо!

Зверь притащил мне плюшевого пингвина – заметил, насколько мне дорога эта игрушка, сколько я с ней вожусь, и решил поддержать, доставить ее ко мне!

– Хрр! – сказал Котик, явно гордый собой, и я погладил его по спине, почесал за ухом.

Но тут зверь неожиданно рванул в сторону, взбежал по стене, и снова исчез в вентиляции. Оттуда донесся новый чих, полетела пыль, и Котик появился снова, на этот раз с прямоугольным кожаным предметом в пасти – ого, это же энциклопедия, купленная на ярмарке, книга, в которую я ни разу не заглянул.

– А это зачем? – спросил я, взвешивая томик в руке: и как только допер!

– Хрр! – повторил Котик, и ударил книжку лапой с выпущенными когтями.

Точнее попытался ударить – обложка выгнулась, точно крыло, и хлестнула в ответ. От неожиданности я выронил энциклопедию, та с сердитым свистом раскрылась и зашелестела страницами.

Что, эта штука живая?

– Чтоб я сдох, – пробормотал я, опускаясь на корточки. – А ты не кусаешься?

Очень довольный собой Котик уселся и принялся намыывать лапой морду совсем по-кошачьи. Я же аккуратно погладил кожаный переплет, и тот отозвался приятным поеживанием, а на белой до сего момента бумаге начали проступать, точно всплывая из глубины, буквы.

«Мир и приветствие тому, кто владеет, – прочитал я. – Корми меня, и будет знание. Говори вопросы, и получишь ответы».

Писала энциклопедия на чистом русском, так что прочитать неправильно я не мог. Только вот что значит «корми»? Убивай врагов и поливай их кровью скромную книжечку? Интересный поворот!

– Э, хм... Мир и приветствие, – сказал я. – Хочется узнать...

И о чем бы спросить энциклопедию, которая, если верить продавцу, содержит «Гегемонию знаний»? Про Гегемонию и спросить, вот только про что... хотя, есть же тайна, которая мучает меня давно, с того дня, когда я второй раз увидел татуировку в виде птичьей лапы с тремя когтями.

– Что значит такая вот татуировка, – и я описал то, что видел на запястье у «дядюшки» Ивана, на шее у врача-шаввана и на плече Лирганы.

Энциклопедия некоторое время лежала неподвижно, потом ее страницы затрепетали. Новые буквы проступили на белом, текст побежал слева направо строчка за строчкой, будто кто-то лупил по невидимой клавиатуре.

«Общество Трех Сил создано на планете Кайтер в 45 году от Первой Жертвы. Аристократический тайный орден, объединяющий тех, кто посвятил себя развитию сокрытых способностей организма, но истинные цели его оставались не вполне понятными. Декларировал

поддержку трона, но чем занимался на самом деле – знала только верхушка ордена. Обладал значительным могуществом при последнем Гегемоне Первой династии и первом – Второй.

Официально запрещено и уничтожено в 227 году по приказу Седьмого Гегемона. Верхушка общества казнена, многие члены попали в тюрьму, где и умерли. Не существует».

– Дело темное... – пробормотал я. – То есть как «не существует»?

А почему тогда Иван и Лиргана щеголяют символикой этих самых Трех Сил? Использует ее кто-то другой, маскирующийся под древних масонов Гегемонии, или они вовсе не истреблены, а вполне себе процветают втайне? И чего хотят эти непонятные персонажи?

Ну вот, ответ получил, но тот привел за собой десяток новых вопросов!

На риторический вопрос энциклопедия отвечать не стала, зато Котик насторожился, поднял уши. Из пасти его вырвалось недовольное шипение, и в следующий миг он рванулся вверх по стене и исчез.

Дверь камеры с клацаньем открылась, и в волне прохладного чистого воздуха явился трибун Геррат.

– Конкретно паршивое местечко, – сказал он, осматриваясь. – Ты не находишь?

Я поднялся, собираясь отдать честь, но контрразведчик махнул рукой.

– Две недели, как ты вернулся, и уже второй инцидент с твоим участием, ведь так? – Геррат заметил и лежащую на полу книгу, и пингвинчика, но внимания на них не обратил. – Честно говоря, я не думаю, что это случайно.

– Я... – начал я.

– Молчать! – в руках трибуна появилось нечто похожее на перочинный нож, со щелчком вылетело не лезвие, а длинная трубка, вытянулась и закачалась, точно ус насекомого. – Ты скажешь все... Ты мне все расскажешь... Но сначала я тебя подготовлю. Конкретно.

Я дернулся назад, но оказалось поздно – Геррат коснулся меня усиком, и мускулы отказались повиноваться. Я упал на пол, точно мешок с картошкой, а трибун выщелкнул из ножа новый инструмент – двузубую вилку из черного металла, между зубцами которой посверкивали синие искорки.

– В данных обстоятельствах у меня нет иного выбора, – проговорил он. – Увы-увы.

Присев на корточки, он прикоснулся к моему предплечью, и меня заколотило от боли. Словно тысячи молний ударили одновременно, заставляя мускулы сокращаться, а нервы дрожать и рваться.

– Очень простой инструмент, – голос Геррата звучал спокойно, без эмоций, он явно не получал удовольствия, он просто делал свою работу. – Но очень, очень действенный. Говори. Ты можешь.

– Что? Что говорить? – пропыхтел я, извиваясь на полу.

Язык и губы мне повиновались, а вот тело не слушалось.

– На кого работаешь. Кто отдает тебе приказы. Отвечай!

Мелькнула мысль сдать Лиргану, рассказать о том, что она шантажировала меня... Только к чему это приведет? Геррат возьмет ее в оборот, возможно докопается до ее хозяев. Но быстро поймет, что они не стоят за мной, и мы начнем с начала.

– Ни на кого, – выдавил я. – Честно.

Контрразведчик вздохнул, и боль снова затопила все мое тело от макушки до пяток. Багровая пелена заволкла все вокруг, а после третьего разряда я вовсе перестал соображать, где нахожусь.

Но всякий раз, слыша вопрос «На кого работаешь?», я отвечал «Ни на кого».

Потом наступило просветление, я обнаружил себя на полу все той же камеры: неподалеку сидел пингвинчик, рядом с ним лежала закрытая энциклопедия, внутренности мои болели, ныла каждая клеточка, но я был жив, и вроде бы ни в чем не признался, никого не сдал.

* * *

Когда дверь открылась в следующий раз, я не понял, может через час, а может через семь. После ухода Геррата я впал в забытие, отключился, и проснулся от шагов в своей камере.

– А ну-ка вставай, – произнесли сверху скрипучим голосом центуриона Гаги. – Разлежся тут.

Я пошевелил конечностями, и неожиданно обнаружил, что тело меня слушается. Боль сгинула без следа, будто и не было никакой пытки – создатели прибора, которым пользовался контрразведчик, свое дело знали.

– Теперь бегом за мной, – велел центурион, когда я поднялся. – Сейчас в бой. Тридцать минут до высадки на Бриа.

Твою мать! Так быстро? И мне вести за собой желторотых щенков?

– Есть, – ответил я, поскольку приказы не обсуждают, и следом за Гагой вышел из камеры.

Через десять минут я был в казарме: опытные бойцы снаряжались без спешки, новички сустились, в глазах танцевали страх и неуверенность.

Пингвинчик занял место в тумбочке, рядом с ним легла на полку живая энциклопедия – еще пригодится. Бронезащита защелкнулась на мне, я проверил мускульные усилители, нахлобучил шлем, пояс отяготили набитые пулями и аккумуляторами подсумки.

– Десятник, разреши обратиться, – рядом бесшумно возник Янельм, и я посмотрел на него с неудовольствием: вот нашел момент, образина ушастая.

– Что тебе?

– Ты же знаешь, такая засада, что я слышу лучше других.

О да, я был в курсе, что своими мохнатыми ушами этот юри-юри, коллекционер необычных предметов-«послухов», частенько улавливает то, что для этих самых ушей не предназначено.

– Ну да, и что?

– А то, что я знаю, кто у нас стучит на Геррата, – Янельм произнес это шепотом, но мне его слова показались громовыми.

– И кто? Говори!

– Смирно! – в казарму ворвался центурион, в полном снаряжении казавшийся воинственной жабой.

Я заскрежетал зубами – ну как не вовремя, хоть бы на пять минут позже!

– После боя, – шепнул Янельм и бросился на свое место.

– Бойцы! – завопил Гага. – Сейчас мы могущественной воинской силой дадим прикурить глупым примитивным уродам, которые называются бриан и смеют отвергать милосердие великого Гегемона, который предложил им мирно перейти под его благословенную руку, дабы наслаждаться цивилизацией!

Эту чудовищную нелепую фразу он выговорил на одном дыхании, и дальше я слушать не стал: никто, бывший на Бриа, не стал бы называть ее жителей «глупыми» или «примитивными»; они были опасным врагом и неоднократно нас удивляли. Несколько минут я продремал стоя, пока центурион сотрясал воздух глупостями, и проснулся лишь на команде «За мной!».

Мы добрались до зала высадки, и тут же ворота открылись, пошла вниз аппарель. Показалось небо в тучах, и знакомый до отвращения пейзаж – зеленые, сырые джунгли, перевитые лианами стволы, вьюнки и прочая мерзость.

– Спрей в дело! – скомандовал я, и полез в подсумок за баллончиком.

Если не обрызгать себя репеллентом, то проиграешь бой даже не бриан, а всякой мелкой живности, которой богаты эти места.

Мы рванулись вперед, ботинки загромыхали по металлу аппарели, затем под ними оказалась густая высокая трава. Чавкнула лужа, полная черной воды, скакнула в сторону крыс-жаба, на которую я едва не наступил.

Высаживались мы силами манипула, то есть семьсот двадцать бойцов, рычания бронетехники я не слышал, авиация о себе знать не давала. Но и врага я пока не видел: орали вдалеке птицы, плыли между деревьями клочья тумана, но никаких бурых куполов или черноволосых воинов с ружьями или автоматами.

– Что-то тихо, – сказал Макс без обычного своего похихатывания. – Нерадостно это.

– Почему? – спросил удоронат Шнобель, наивно моргая тремя светлыми глазами.

Родич Лирганы, он напоминал ее внешне, хотя был ниже на полголовы, но вот характером совершенно отличался – постоянно сидел, уткнувшись в книжку, девчонок боялся, краснел, стоило любой с ним заговорить, и вообще старался внимания не привлекать.

– А потому что дело швах... – сказал я. – Ложись!

Не знаю, что меня насторожило, но я шлепнулся в траву, а через миг поднялась стрельба. Ударил пулемет, пули забарабанили по борту оставшегося за нашими спинами линкора.

– Ложись! Ложись! – истошно завопил Гага, но мои бойцы уже были в безопасности. – Егор, уводи своих направо, охватывайте их с фланга!

Эту фразу я услышал через шлем.

– Есть, – буркнул я. – За мной ползком!

Эх, если бы система связи была в каждом шлеме, но Гегемония, обладающая порталами и космическими линкорами, глупо экономила на мелочах. Да еще и чиновники с поставщиками воровали всюду, где только могли, так что бойцы частенько получали негодное, сломанное оборудование и гибли... ну а кто-то на всем этом нехило наживался.

Мы проползли метров пятьдесят вдоль борта линкора, что возвышался над нами точно положенный на бок небоскреб.

– Огонь! – скомандовал я, и мы рванулись вперед, в чашу, прямо на бриан.

Первого срезал я, второй угодил под очередь Дю-Жхе, третьего завалил кто-то еще. Мы выскочили напрямик на пулемет, я увидел выпученные золотистые глаза пулеметчика, перекошенное от усилия лицо – если он развернет свою махину на нас, то мы все тут и ляжем.

Во лбу бриан образовалась кровавая дырка, он упал лицом вперед на свою машинку, и та замолкла. Второй номер успел пальнуть из автомата, но никого не зацепил, а через мгновение рухнул рядом с соратником.

– Залегли! – скомандовал я своим, а в микрофон доложил. – Пулемет подавлен!

– Все, отбой, они отступают, – велел Гага. – Оставайтесь пока на месте.

С рычанием ожили пушки линкора, принялись лупить по дальним целям, и я облегченно вздохнул. Мельком глянул на браслет-классификатор – ого, я свалил всего двоих, а получил почти три тысячи опыта, и значит вербовщик в офисе не врал, мне и правда теперь будут добавлять за подчиненных.

А тринадцать тысяч с лишним означают шестой класс, и открытие новых навыков, но это потом.

– Так, все живы! – я оглянулся. – Голос по очереди!

Назвались все, кроме Янельма, и я напрягся: он же бежал в атаку с остальными, я видел, там, правее.

– Юнесса, проверь! Он рядом с тобой!

Девушка поползла в сторону, и донеслось ее растерянное восклицание:

– Мертв! Пуля в затылок!

В затылок? Когда мы шли во фронтальную атаку? Невероятно... если только!

Равуды с нами нет, да тот бы и не стал целиться в юри-юри, его мишень – я. Остается... значит остается тот, про кого Янельм хотел рассказать мне, но не успел, продавшийся Геррату стукач!

Один из бойцов, которому я не могу доверять. Но кто, кто?

Глава 7

Центурион мало того, что разносил меня ни за что, он делал это на глазах у бойцов. Нет, он не орал, он скрипел и гундел, повторял свое «поговори мне», и мыл кости, обвиняя во всех смертных грехах.

После утреннего боя мы разбили лагерь, поставили палатки, и я рискнул заметить, что в неудачном месте – я воевал на Бриа, я знаю, что будет, если поселиться практически на болоте. И это мое замечание услышал Гага, зеленые волосы его встали дыбом, так что шлем едва не слетел с головы, и началось.

– И запомни, десятник, это все пораженческие настроения, я их не потерплю у себя! – на этой фразе центурион выдохся.

И дальше он отправил меня с десятком бойцов на линкор, чтобы к утру я вернулся с новым грузом. Наверняка Гага задумал это как наказание – тащиться до «Гнева Гегемонии» по лесу километров десять, по разбитой дороге.

И я, чтобы порадовать его, даже изобразил печаль на лице.

До корабля мы дошли уже в сумерках, и вскоре оказались в пустынной казарме. Бойцы отправились в душ – вот уж чего в лагере нет и не будет – а я собрался последовать за ними, когда классификатор пискнул, давая сигнал, что меня вызывают.

«Опять этот урод?» – подумал я, но нацепив шлем, услышал голос Диррга.

– Привет, – рокотнул он. – Я знаю, что ты вернулся. Поможешь мне сегодня? Осмотрим местечко одно в рембоксах, пока там никого... Все в бой, сам Гегемон велел.

За день я устал и хотел спать, и до отбоя меньше часа, и это значит, что по линкору я буду перемещаться нелегально, и любой офицер, поймай он меня, засадит меня в карцер. Только вот я пообещал сержанту-технику, что помогу ему, а предмет, который он ищет, может пригодиться моей дочери.

– Что за ботва! – воскликнул я. – Ладно, где встречаемся?

Я выскользнул из казармы, дошел до ближайшей стенной панели, отмеченной черным крестиком. Нажал на него, и через мгновение оказался в техническом колодце – освещенной шахте, по которой так удобно перемещаться между палубами.

Рембокс находились между основным трюмом и ангаром для бронетехники, а последний занимал самый нос линкора, чтобы было удобно выводить наружу всю эту грохочущую армаду. Обычно там царил суета, рычали двигатели, бегали грязные, взмыленные техники, ругались офицеры, но сейчас властвовали тишина и пустота, и под потолком ангара наверняка витали призраки подбитых танков, распространяя запахи бензина и машинного масла.

– Спасибо что пришел. Я рад, – Диррг хлопнул меня по плечу, и мы занялись делом.

В рембоксах имелось огромное количество укромных уголков, и если бы не «миноискатель», сконструированный сержантом, мы бы провозились тут до самого утра. Даже с ним процесс выглядел муторным – просканировать помещение, стены, пол, потолок, все шкафы и стеллажи, ремонтные ямы.

Одно, второе, третье... и все это как можно тише, чтобы не привлечь внимания, да еще и в темноте. Камеры Диррг наверняка отключил или испортил, но если начать грохотать, то явится патруль, и что тогда – ныкаться, точно глупой школоте, которую застукали в чужом гараже?

– Что за ерундень, – разочарованно пробормотал сержант, когда мы осмотрели последний бокс, где над ямой стоял наполовину разобранный транспортер. – Ничего нет. Задница Гегемона!

Я зевнул с подчеркнутым завыванием.

– Пойдем хоть ко мне, – Диррг посмотрел на меня виновато. – Я тебя накормлю. Волшебные мясные крендели по древнему рецепту.

– Что же ты их с собой не принес?

Попробовать эти крендели мне хотелось, шавванскую стряпню я уважал, но вот идти еще куда-то желания не было. С другой стороны – сержант приглашал меня в свою берлогу, но до визита дела никогда не доходило, и было любопытно посмотреть.

– Так их готовить надо!

Я подумал и согласился.

Обитал Диррг, как и прочий экипаж, на нижних палубах, и мы прошли туда, ни разу не появившись в коридорах и на лестницах. Стукнула закрывшаяся за мной дверь, и я обнаружил себя в небольшой, тесной комнате, все стены которой были увешаны спортивными плакатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.